

Гвоздкова Любовь Ильинична

Сталинские лагеря на территории Кузбасса

Специальность 07.00.02 - Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук

Екатеринбург 1997.

Диссертация выполнена на кафедре новейшей отечественной истории Кемеровского государственного университета

Научные консультанты: доктор исторических наук,
профессор Бакунин А.В.
доктор исторических наук,
профессор Шишкин В.И.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор Палецких Н.П.
доктор исторических наук,
профессор Кириллов В.Н.
доктор исторических наук,
профессор Шуранов Н.П.

Ведущее учреждение: Уральский государственный
технический университет

Общая характеристика работы

Актуальность проблемы. Изучение проблем, связанных с деятельностью ГУЛАГа, в современных условиях приобрело актуальное звучание. Общественный подъем конца 80-х годов способствовал оживлению интереса к истории сталинского периода. Это выразилось в стремлении осмыслить суть тех страшных десятилетий и извлечь из них должные уроки.

Эти уроки стали исключительно актуальными в свете современных событий, попыток вернуть общество во времена диктатуры. Необходимость искоренения неосталинизма, геноцида, национальной и религиозной дискриминации и других разновидностей реакции вызвана тем, что она находится в прямой зависимости от общечеловеческих принципов развития нашего общества.

Бесспорно, подлинные демократические отношения возможны только через утверждение гуманизма в отношениях между людьми, центральным тезисом которого является самоценность жизни. Главная цель гуманистических требований современного общества - отказаться от различных видов господства, тирании, диктатуры.

Выявление политических, экономических и социально-психологических корней сталинской лагерной системы, созданной в 30-е годы, представляет один из сложных аспектов исследования, дает возможность ответить на ряд острых вопросов современного развития нашего общества.

Целью нашей работы является исследование вопроса роли, влияния и значения сталинских репрессий и лагерной экономики в развитии народнохозяйственного комплекса Кузбасса, а также

воздействие лагерного образа жизни на формирование нового типа человека, его мировоззрение, традиции, привычки, поведение.

Исходя из поставленной цели в своем исследовании мы выделили задачи, при решении которых возможно ее достижение. Ими являются:

- определение методологической базы исследования;
- историографический обзор по теме исследования;
- анализ источников по проблеме, использование новых видов источников;
- изучение вопросов формирования и развития юридического обоснования необходимости функционирования лагерной системы в стране;
- исследование на базе конкретно-исторического материала методов и форм репрессивной политики (процессов над гражданами как "врагами народа") по отношению к населению Кузбасса;
- изучение процесса становления и развития сталинских лагерей в Кузбассе;
- анализ организационно-хозяйственной деятельности кузбасских лагерей в выполнении государственных планов в различных сферах экономики края;
- определение и анализ численности лагерного контингента и его категорийная характеристика;
- изучение вопросов режима, условий содержания и быта заключенных, специфическое воздействие лагерного образа жизни на физическое, духовное состояние человека.

Хронологические рамки исследования. Автором диссертации выделен период конца 20-х - 1953 годы, как время формирования, становления, развития и свертывания лагерей в Кузбассе. Исходя из того, что информация о первых лагерях на территории Кузнецкого края относится к 1926-1928 годам, а наибольшая отдача от лагерной деятельности наблюдалась в 30-е годы, первый период автором определен как период организационного становления лагерной системы. Второй период - 30-е годы - начало отечественной войны характеризуется деятельностью Горношорского лагеря на юге Кузбасса в деле строительства Горношорской железной дороги. В эти годы на территории края единственным самостоятельным лагерем, подчинявшимся ГУЛАГу, был Горшорлаг (Управление в п.Темир-Тау). Другие лагерные подразделения Сиблага административно принадлежали сначала Западносибирскому региону, затем Новосибирской области, и лишь в 1942 г. с отделением Кемеровской области от соседней Новосибирской, превратились в кузбасские лагеря не только по территориально-административному признаку, но и как хозяйственные единицы, передавая часть произведенной продукции данной области. Следовательно, в 30-е годы сугубо кузбасским лагерем оставался лишь Горношорский.

Третий период развития лагерей в Кузбассе ограничен годами войны: 1942/43-1945 гг. Он знаменателен тем, что на 1942/43 годы выпал процесс выделения Кузбасса в самостоятельную область. Одновременно с этим значимым социально-политическим и экономическим процессом стала передача в ведение кузбасских органов власти двух крупных лагерей - Сиблага и ОИТК (Отдел исправительно-трудовых колоний), подразделения которых еще с 20-х годов находились на территории новообразованной области. Их деятельность в этот период полностью подчинена нуждам фронта. Руками лагерного контингента подготовлена и направлена на фронт почти

половина из всей произведенной областью сельскохозяйственной продукции, швейного, овчинно-шубного и других производств.

Четвертый период (1946-1953 гг.), время расцвета и последующего угасанию лагерного производства автором выделен не случайно, т.к. с 1946 г. начинают зарождаться в области новые лагеря в различных сферах производства (1946 г. - Кемероволаг, Кузбасслаг; 1947 г. - Севкузбасслаг, Южкузбасслаг; 1950 г. - Араличевский; 1951 г. - Камышлаг). Вновь появившиеся лагеря оказали области неоценимую помощь в деле восстановления изношенного в годы войны и построения нового производства. Всего в 1946-1953 гг. на территории края действовало одновременно восемь лагерей с общей численностью лагерного населения более 170 тыс. человек. Этот период стал периодом расцвета лагерей.

В 1953 г. после амнистий и частичного освобождения людей из лагерей, последние стали терять не только численный состав и удельный вес в ряду других лагерей страны, но также влияние и значимость в производственной сфере. Этот год стал годом "замирания" лагерного бума, поэтому правомерно, что и для данного исследования он стал рубежным завершающим годом.

Территориальные рамки исследования. Исследование проведено на материалах девяти лагерных полиструктур, каждая из которых представляла совокупность лагерных подразделений с определенными производственными видами деятельности, включая всю систему жизнеобеспеченности лагерей. Территориально их расположение совпадает с границами Кемеровской области (с 1943 г.), за исключением практически не населенных районов Кузнецкого Алатау. До образования последней в самостоятельную административную единицу с 1930 г. по 1937 г. ее территории входили в состав Западно-Сибирского края (ЗСК) с центром в г.Новониколаевске (Новосибирске), с 1937 г. до 1943 г. в состав вновь образованной Новосибирской области. С 26 января 1943 г. Кемеровская область существует как самостоятельная административно-хозяйственная единица, в состав которой на момент образования вошли 21 район и 9 городов.

Научная новизна определяется тем, что исследование является первым в Сибири как по постановке проблемы, так и по территориально-хронологическому признаку. Впервые рассматриваются не только роль и значение лагерной экономики в народнохозяйственном комплексе Кузбасса, но также, не попадавшая ранее в поле зрения ученых, проблема принуждения и насилия личности посредством лагерного труда, лагерного образа жизни, лагерного быта. Введен впервые принципиально новый, ранее не публиковавшийся материал секретных ведомственных архивов. Отсюда все представленные в работе цифры уникальны, введены в научный оборот в абсолютных величинах, что более убедительно доказывает, в первую очередь, экономическую значимость лагерей, во вторую, численность и удельный вес лагерного населения в ряду всего населения региона.

Объектом нашего исследования являются советские исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ) 30-50-х годов со всеми видами производственной деятельности, режимом, а также внутренней инфраструктурой, на которых базировалась вся лагерная система. В отличие от германских лагерей периода второй мировой войны, являвшихся в основе своей уничтожительными, советские лагеря назывались исправительно-трудовыми. Отсюда главными их функциями являлись: а) исправительная, б) трудовая. Иными словами "исправлять трудом" - цель и одновременно задача, которые были поставлены советским законодательством перед лагерной системой. Было ли на самом деле исправление трудом, показывает материал данной работы. Бесспорно одно, в действительности изнурительным сверхсложным трудом в первую очередь

наказывали, во вторую, не щадя сил заключенных заставляли их в невероятно короткие сроки выполнять почти нереальные государственные планы.

В СССР действовало два типа лагерей: исправительно-трудовые лагеря и исправительно-трудовые колонии. Между ними была значительная разница: а) по срокам содержания; б) по степени ужесточения режима; в) по статейно-уголовному признаку; г) по производственной деятельности. В колониях содержали осужденных не более чем на три года, режим определялся общий, частично строгий. Отправлялись туда в основном уголовно-бандитствующий элемент и "бытовики", выполнялись чаще всего контрагентские работы. В лагерях соответственно находились со сроками более трех лет и до 25, режим определялся наиболее жесткий. Контингент представлен ст.58, наиболее "тяжеловесной" из всего УК РСФСР, производственная деятельность планировалась на самых тяжелых направлениях, где ни вольнонаемные, ни колонисты использоваться не могли.

В отличие от лагерей колонии являлись моноструктурами, как правило, состоявшими из единой зоны, единого производства. Лагеря считались полиструктурами. Каждый лагерь имел отделения, которые в свою очередь, состояли из лагпунктов, командировок и т.д. В одном лагере насчитывалось, как правило, более 2-3 отделений и до 30 лагпунктов.

Об историографии истории сталинских лагерей на сегодняшний день говорить не приходится. Она представлена всего лишь несколькими работами историков и серией мемуаров бывших заключенных. Вся остальная научная литература 80-90-х годов посвящена более глобальным фундаментальным проблемам развития советского государства.

Понимая, что лагеря появились не из воздуха, а в результате конкретной политики, называемой сегодня тоталитаризмом, сталинизмом, культом личности, авторитаризмом и т.д. автор диссертации посчитал необходимым познакомиться с трудами ученых, поднимающих фундаментальные вопросы развития советского общества. По его мнению, единственно обобщающей, соединяющей основной круг вопросов является глобальная проблема тоталитаризма, одной из черт которого исследователи называют "репрессии". А там, где были репрессии, рождались и лагеря.

Сталинизм как проблема до недавнего времени был жестко локализован, вначале в границах 1937-1938 гг., затем 1929-1953, вырезан из текущей истории и представлен в таком виде сегодня. По мнению автора данной диссертации период 1929-1953 гг. наиболее удачно характеризует время правления Сталина. Проблема весьма органично вписывается в представленные рамки, так как именно в эти годы получила широкое развитие, расцвет лагерная система принуждения.

Осмысление историками такого феномена в истории России как принуждение, насилие, происходило и происходит постепенно. В такой же степени постепенности шло изучение данного явления. В конце 80-х годов, в период перестроечной эйфории, полился гигантский поток развенчания "культа" личности Сталина, внимание первоначально сосредоточилось на технологии сталинского переворота и на том, что ему непосредственно предшествовало. Диапазон исследования истоков сталинизма и вытекающих из этого проблем сейчас достаточно велик. В зависимости от широты исторического видения проблемы и от того, что в ней акцентируется - репрессии, культ, содержание идеологии, экономическая или социальная ориентация - появляются те или иные объяснения, по-разному соотносящие сталинизм с общим историческим процессом и, в первую очередь, с понятием "тоталитаризм". Первыми о проблемах сталинизма (пока термин "тоталитаризм" оставался в тени) заговорили О.Лацис, А.Ципко, Г.Попов,

Ю.Афанасьев, А.Бутенко, Д.Волкогонов, Г.Померанц, И.Клямкин и др. Впоследствии в научных кругах все больше стали отдавать предпочтение анализу емкого многосложного понятия "тоталитаризм", сохраняя тем не менее в научном обороте адекватное ему выражение "сталинизм".

А.Ципко одним из первых предпринял попытку проанализировать корни сталинского террора, массовых репрессий, уходящих, по его мнению, за пределы правления Сталина, в т.ч. в ленинский период, куда, по словам автора, "спускаются только смельчаки". Иную точку зрения высказывает О.Лацис, уверенный, что как метод устрашения в период закрепления советской власти террор был необходим и что осуждать насилия, чинимые вождями революции, "которые до революции претерпели на себе бесконечное насилие старой власти", мы не имеем права. На путь персонализации объяснения массового террора встали Г.Померанц и И.Клямкин. Насколько это так, можно судить по их произведениям, в частности. "Мамин вопрос" Г.Померанца и "Почему трудно говорить правду" И.Клямкина. Оба автора видят источник зла и всеобщего насилия в личности Сталина и только в нем.

Обращаясь к истории России 20-50 годов, стремясь дать ей научное объяснение, А.П.Бутенко предлагает в этом объяснении разграничить две концепции, выделить сталинскую и научную трактовки рассматриваемого периода. В своей работе "Откуда и куда идем. Взгляд философа на историю советского общества", изданную в 1990 году, А.П.Бутенко все еще придерживается традиционного взгляда на Ленина, как личность, не подлежащую критике. В общественном и научном сознании крепко сохранялось "табу" на ленинский период, считалось, все действия вождя революции целесообразны, правомерны, высказывания его истинны. Переступить этот барьер российским ученым долго не удавалось. А.П.Бутенко исключением не был. Представленная выше группа авторов выделена, в первую очередь, в силу их общности взглядов на природу насилия в советском обществе, причиной которой они называют одного человека - Сталина, не пытаясь углубиться в предшествующий ему ленинский период, не анализируя исторические события и влияние ряда объективных факторов на формирование в стране тоталитарного режима. Их точку зрения разделяли (по крайней мере в начале 90-х годов) такие видные российские ученые как В.Лельчук, С.Сенявский, Ю.Карякин и ряд других.

Автору диссертации близка позиция Л.А.Гордона и Э.В.Клопова, работа которых "Что это было?" посвящена сталинскому периоду развития страны, социально-экономическим преобразованиям, проводимым официальной властью, и их последствиям. В книге объясняется, почему победила стратегия форсированного развития, говорится о том, какой ценой нашим народом было заплачено за установление режима личной власти Сталина. Четвертая глава их работы особенно интересна, ибо в ней представлена, наряду с богатым конкретно-историческим материалом, точка зрения авторов на события 30-40-х годов, дается оценка сталинской системе, ее логической связи с ленинским периодом. Их позиция о взаимосвязи и взаимообусловленности ленинского и сталинского периодов прямая и вполне открытая, для конца 80-х годов в науке довольно нетрадиционная.

О сталинизме, как сложном и многоплановом явлении, говорит в своей книге "Не сотвори себе кумира..." З.И.Файнбург. Он поднял для рассмотрения важнейшие вопросы, как-то: объективные и субъективные предпосылки "культы личности", показал его идейные и социальные корни, процесс его становления, достижение абсолютной и исключительной власти, состояние "культы" в годы войны и т.д.

В ряду важнейших работ по представленной теме, оказавших значительную помощь в осознание и методологическом осмыслении событий 30-х-50-х годов, стоят произведения Д.Волкогонова. Несмотря на противоречивое отношение к нему некоторых советских ученых, автор данной диссертации считает работы Д.Волкогонова значительными, серьезными исследованиями, где наряду с чисто научными рассуждениями соседствуют сугубо человеческие признания. Книги автора написаны нетрадиционным для советской исторической науки языком, который легко воспринимается, возбуждает здоровый интерес к изложенному материалу.

В современной научной литературе можно встретить несколько мнений о причинах репрессий 30-х годов. Одни исследователи рассматривают репрессии как бессмысленные, не мотивированные ничем акции, а уничтожение людей объясняют маниакальной подозрительностью Сталина. Другие считают, что террор был определенной реакцией режима на сопротивление народа. Третья точка зрения - попытка в той или иной мере оправдать сталинский террор. Ее сторонники считают, что часть репрессированных действительно являлась противниками социалистического строя. В то же время очевидно, что террор далеко вышел за рамки даже так называемой "целесообразности", большинство репрессированных и не помышляло о каком-либо сопротивлении режиму, их уничтожение было абсолютно бессмысленным. Усилив в небывалой степени контроль над людьми, "большой террор" тем самым укрепил всеобщую пассивность, боязнь какой бы то ни было инициативы, что потом и сказалось самым тяжелым образом в начале Великой Отечественной войны. Ю.Борисов отмечает, что все было обусловлено и культурой населения и уровнем образования кадров в системе управления.

М.С.Симонов в работе "Термидор, брюмер или фрюктидор? Эволюция сталинского режима власти. Прогнозы и реальность" видит насилие и террор в стране, где формально главенствуют демократические лозунги и "забота" государства о правах и свободах человека, в действительности общество оказалось полностью лишено элементарных прав и предстает перед государственными структурами власти абсолютно беззащитным, беспомощным. Контрреволюционный переворот, совершенный Сталиным, - считает автор, - явился поворотным пунктом в деле усиления насилия в обществе.

В.Курицын отмечает, что механизм репрессий "в основном сложился в процессе проведения сплошной "коллективизации", массового раскулачивания, когда по существу разжигалась классовая борьба". В противовес ему Н.Л.Рогалина считает, что в 30-е гг. были заложены основы экономического прогресса страны: формировалась мощная индустриальная база, наращивались основные производственные фонды. В своем докладе о русской культуре и феномене насилия В.Д.Губин назвал насилие естественным состоянием человека, а добро, альтруизм - искусственным. Быть добрым - это искусство. Прав автор в том, что тоталитаризм в России повинен в трех грехах, одним из которых он называет уникальную породу людей, "нового советского человека", который не умеет, не хочет и не любит работать, ни к чему не стремится, ничего не добивается и свою посредственность рассматривает как нечто положительное.

Непосредственно лагерной тематике посвящено ограниченное число работ. Среди них ведущие место занимают статьи В.Н.Земскова. Особенностью работ является попытка окончательно выяснить общий численный состав лагерного контингента ГУЛАГа за все годы его существования. Аналогичными проблемами занимается В.В.Цаплин.

В сибирском регионе активно работают историки Томска, Новосибирска, Кемерово. Как правило, проблемой занимаются небольшие группы исследователей, имеющих тесную связь с местными обществами "Мемориал". Это И.Н.Кузнецов, В.А.Ханевич (Томск); С.А.Красильников, И.С.Кузнецов,

В.А.Исупов, В.И.Шишкин, И.В.Павлова (Новосибирск); Н.Галкин, Б.Антонов, В.Рудин, А.Мить, Е.Кузнецова и др. (Кемерово). На Урале вышло из печати серьезное исследование В.М.Кирилова (1996 г.), обобщившее широкий круг проблем репрессивной политики Советского государства, раскрывшее ее содержание на примере лагерной системы Тагиллага.

Источники по проблеме позволяют разобраться в сложной многогранности проблем сталинских репрессий, их истоках, мотивах, а также общественном сознании советских граждан по отношению к карательной политике государства. Их классификация дает возможность рассмотреть вопрос о значении каждого, выявить, насколько полно с их помощью исследовать проблему. Совокупность всех источников помогает установить как полноценность данного комплекса, так и определить - какие из них позволяли бы глубже осветить вопросы, можно ли одни заменить другими.

По общепринятой классификации источники делятся на две группы: а) памятники, сохранившиеся от прошедших событий, в которых зафиксировано субъективное преломление событий через сознание современников; б) традиционные (архивные) источники. Это деление весьма условно, однако может быть принято, т.к. позволяет выделить из них специфические, имеющие свойственные только им формы и сущностные отражения реального мира. Вышеназванные группы дифференцированы на: а) вещественные, б) видео- фото- фонодокументы, в) фольклор, г) лингвистические, д) письменные источники.

Бесценным, уникальным в данной работе источником стали видеоматериалы, необходимость использования которых вызвана, во-первых, возможностью показать места лагерей; во-вторых, отснять беседы, интервью с участниками событий тех лет (с бывшими сотрудниками, бывшими заключенными). В-третьих, широкие возможности видеоаппаратуры (видеоряд, звук) позволяют записать беседы дословно, сохранить на экране живых свидетелей, запечатлеть уникальные кадры сталинских мест заключения. Автор представленной работы владеет богатым видеорядом (около 160 часов экранного времени, более 200 опрошенных, воспоминания самих свидетелей, а также отснятые места лагерных зон).

Изучение фольклора позволяет установить, как в памяти человека сохранились события, явления изучаемого периода и, что немаловажно, как формировались неологизмы. Фольклор лагерей тем более своеобразен, наполнен смесью блатных и гражданских словосочетаний, всевозможных аббревиатур, "закрытых" слов, имеющих глубинный смысл. Лагерный фольклор можно исследовать по двум каналам: а) в разговорах-беседах с участниками событий 30-40-х гг. - бывшими заключенными, бывшими сотрудниками лагерей; б) в опубликованных и неопубликованных воспоминаниях очевидцев.

Письменные источники. Документы политотделов, сохранившиеся в фондах бывшего партархива, являются немаловажным источником по истории отдельных лагерей (Сиблага, Севкузбаслага, Южкузбаслага и др.).

В архиве УВД при Администрации Кемеровской области в фонде Р-12 сохранились материалы по истории Сиблага, Севкузбаслага, Южкузбаслага, Горшорлага. Однако сложность работы с этим фондом заключается в отсутствии какой-либо систематизации документов, основная часть которых не пронумерована. Там же оказалась картотека заключенных (форма № 2) специализированных лагерей с общим количеством формуляров свыше 100 тыс.

Документальные материалы по руководству всей лагерной системой (ГУЛАГу) позволили изучить основные направления государственной политики в деле становления и развития лагерей. Основная их часть по разработке проектов, планов, приказов, инструкций по деятельности лагерей находится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), фонды 9414, 9401. Сведения о деятельности ИТЛ в 30-40 гг. имеются в местной периодической печати Мариинского, Тисульского, Чебулинского, Ижморского, Юргинского, Тайгинского районов, где в основном были сосредоточены лагерные подразделения.

В течение 1991-1996 годов коллективом научно-исследовательской группы Кемеровского госуниверситета наряду с архивным изучением лагерной системы на территории Кемеровской области, ее влияния на экономику, генофонд Кузбасса, проводилась работа по воссозданию истории конкретных лагерных подразделений. Естественный интерес вызвал отдельный лагерный пункт № 8 (ОЛП-8) Северокузбасского ИТЛ НКВД МВД СССР, расположенный на территории бывшего поселка Кайгадатский Кемеровского района.

Данная источниковая база является определяющей в исследовании проблем сталинских лагерей в Сибири, но не исчерпывающей. Сегодняшние технические и информационные методы исследования помогают расширить и обогатить банк данных за счет нетрадиционных методов и источников исследования.

Практическая значимость исследования выражается в восстановлении исторической правды развития социалистического государства, определении тех методов и форм, на которых базировалось движение общества по пути, намеченному партией большевиков, где законотворчество, правопорядок, права личности и его свободы попирались самым безжалостным образом, фактически лишая общество возможности быть цивилизованным, развиваться в рамках международных демократических норм. Жертвы режима, прожившие в лагерях в нечеловеческих условиях, значительную часть своей жизни, после освобождения, оставаясь почти такими же изгоями в обществе, до недавнего времени носили на себе ярлык "врагов народа". Их реабилитация, частично проведенная во второй половине 50-х годов и вновь возобновившаяся лишь в конце 80-х годов, проводится вяло, скрытно, мало информации о возвращении честного имени бывшим репрессированным.

В настоящее время Россия, объявленная Конституцией демократическим государством, делает попытки вступить в Европейское и другие международные сообщества, заявляя о своей приверженности демократическим принципам, должна окончательно решить проблемы свободы личности, прав человека и гражданина, навсегда покончив с беспрецедентным отношением равнодушия и неуважения к жертвам сталинского геноцида. Нравственный аспект данной темы заставляет историков проводить большую просветительскую работу, позволяющую гражданам России глубоко осознать трагические страницы недавнего прошлого.

Апробация основных положений исследования проводилась на международных и региональных конференциях (1992-1996 гг.). Стремясь донести историческую правду до сегодняшнего, особенно молодого, поколения по теме подготовлены документальные фильмы "Нас всех уже приговорили". "И народ мой любит это...", "Воспоминания о прошлом", "Свидетельствую", показанные по областному телевидению. Ведется систематическая работа по подготовке и публикации "Книги памяти жертв политических репрессий" (1 и 2 том), изданы монография "Сталинские лагеря на территории Кузбасса" и двухтомный сборник документов "Принудительный груд". Являясь членом областной реабилитационной комиссии, автор данного исследования проводит широкую просветительскую работу среди населения области.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложения.

Основное содержание диссертации

Во введении обосновываются актуальность темы, цели, задачи и объект исследования, хронологические и территориальные рамки, показана научная новизна и практическая значимость работы.

В первой главе диссертанта "Методология, историография, источники" — раскрывается многомерно-узловой подход в определении методологической базы исследования, включающей в себя формационный и цивилизационный подходы. Обосновывается принципиально новое видение проблемы принуждения и насилия через лагерную систему, получившую развитие в конце 20-х — начале 30-х гг. Опираясь на методологические взгляды академика И.Д.Ковальченко, В.С.Прядеина, А.И.Ракитова и других российских ученых, а также на труды зарубежных философов, историков, экономистов, автор диссертационной работы впервые сделал попытку теоретического обоснования действовавшей в социалистической России лагерной системы.

В рамках формационного подхода при решении поставленных автором задач, сложно, а порой даже невозможно объяснить ряд исторических явлений советского периода. Это относится к ленинско-сталинскому режиму личной власти, тоталитаризму, породившему в конечном итоге жестокие формы принуждения и насилия, царившие в Советской России с 20-х годов нашего века. Формационный подход предполагает выявление и подтверждение в истории прогрессивного пути развития общества, его движения от старого к новому, в частности: в отношении совершенствования правовой основы государства (переход на демократические принципы); расширение на этой базе социальных свобод, прежде всего свободы личности; и т.д. Между тем конкретно-исторические знания о послеоктябрьском периоде, особенно 20-40-х годов, когда в стране буйным цветом расцвело принуждение и насилие, когда в рамках государства сформировалась мощная система ГУЛАГа, откатившая социально-экономические, культурные отношения, духовное формирование личности далеко назад в раннее средневековье и даже рабовладение (в образе рабов выступала огромная армия репрессированных, вывезенных в советские тюрьмы, лагеря, на спецпоселения и т.д.), формационный подход заводит нас в тупик, ибо не дает объяснения на вопросы — почему на первой фазе коммунизма — социализме стало возможным подобное явление. Теория марксизма-ленинизма предполагала одно, реальное ее воплощение породило иное. Философам еще предстоит ответить на данные вопросы, историки же вынуждены искать уже сегодня иные подходы, чтобы приблизиться к истине, ответить на поставленные жизнью вопросы более правдиво.

По мнению автора данной диссертации наиболее ценным, действительно способным помочь осознать, обработать новейшую информацию о режиме тоталитарной власти послеоктябрьской России является ранее не признаваемый советскими историками-исследователями "цивилизационный подход". Именно он способен развести мосты противоречий истории советского периода, объяснить их причины, предпосылки рождения, развития и расцвета системы принуждения и насилия.

Философия истории, несколько десятилетий господствовавшая в советском обществе как исторический материализм, в основе видения мира предполагала материалистическое понимание истории. Его основные постулаты — последовательная смена общественно-экономических формаций, первичность экономического базиса, классовая борьба в

антагонистических формациях, закон соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил, линейно-поступательная теория прогресса и т.д. — служили именно этой цели, не видя и не пытаясь объяснить множество "нестыковок" в историческом процессе, вызванных многосложной исторической реальностью, входившей постоянно в противоречия с теоретической схемой марксизма.

В конце 80-х-в 90-е годы советские ученые (А.Венгеров, А.Гуревич, М.Завьялов, Н.Авалиани и др.) стали высказываться против непрерывности, линейности, поступательности исторического процесса. Один из них, М.Барг, отмечал, что существуют два типа исторического времени — линейное и циклическое, соответственно им два типа движения — прогрессивное и ротационное. Я.Шемакин, например, противопоставил прогрессивному, поступательному историческому движению — циклическое, застой, регресс. "Согласно новому теоретико-методологическому синтезу", - говорит В.С.Прядеин, - "появилась возможность "извлечь" человеческие сообщества из коммунальных формационных квартир..., и разместить их... в рамках различных типов социального движения (прогрессивного, регрессивного и т.д.)". Он считает, что понятия "цивилизация", "формация" явно не подходят для этого уже потому, что в своем разворачивании во времени человеческое сообщество проходит через различные цивилизационные или, возможно, если оно лежит на прогрессивной ветви развития, формационные уровни. Отсюда им предложен новый термин "социально-исторический узел", или человеческое сообщество (социум) или группа сообществ (социумов) с вполне определенными, присущими только ему течениями исторического времени, типом исторического движения, с вполне определенной, присущей только ему "завязкой" в единую систему различных факторов развития (экономических, политических, социальных, духовных, естественно-природных, демографических и т.д.); это определенный тип управляемого хаоса, со своими закономерностями... В каждый данный момент своего существования "узел" относится к определенной ступени цивилизационного развития (аграрно-индустриальной, индустриальной, информационной) с характерными только для него: взаимоотношением "базиса" и "надстройки", материального и идеального; степенью податливости культуры на инновации, типом менталитета, трудовой этики, астадиальными связями с другими "узлами".

Пользуясь формулировкой В.С.Прядеина о многомерно-узловом подходе исследования истории, можно с большой степенью вероятности определить период, взятый для данного исследования. Время становления и укрепления Советской власти в России, точнее, диктатуры пролетариата, или диктатуры партии есть период управляемого хаоса со своими закономерностями и принципами. В атмосфере такого хаоса единственный выход общества в системное состояние, стабильное и сознательно движущееся к намеченной цели одновременно, партия большевиков в лице Ленина, Бухарина, Троцкого, Сталина и других видела в расширении принципов принуждения и насилия. Ибо лишь последние могли оказывать воздействия на существовавшую неуправляемость экономики и народных масс. Находящаяся на аграрно-индустриальном уровне развития Россия не имела социально-экономической, демократической, культурной базы для проведения социального эксперимента по типу "социалистической революции". Отсюда взаимоотношения базиса и надстройки (о чем всегда любили говорить марксисты), когда базис определяет сущность и характер надстройки, являясь первичным, деформировались. На практике в российской действительности надстройка стала определять базис, управлять им. Соответственно деформировалось взаимодействие производительных сил и производственных отношений. Деформации такого рода повлияли на усиление политического субъективного фактора, а значит, подавления всего того, что мешало такому усилению, установлению господства политики над экономикой. Последняя быстро отреагировала на подобного рода принуждение своей вялостью,

неэффективностью, нерентабельностью, непроизводительностью. Следствием этого стал процесс насильственного ее подъема с помощью насильственных методов.

В своем исследовании автор представленной диссертации опирается на концептуальные подходы академика И.Д.Ковальченко, А.И.Ракитова, В.С.Прядеина и др., считая, что именно их видение исторических процессов, происходивших в России, как нельзя точно помогает понять исследователю столь алогичные, противоречивые явления, наблюдаемые в 20-40-е годы в Советской России, которые никак не объяснить формационными мерками. Система принуждения и насилия, развившаяся в России в те годы до масштабов, коих не знала история, не могла быть объяснена традиционной марксистско-ленинской методологией, отрицавшей любые методы насилия в социалистическом обществе. Опираясь на методологию, предлагаемую вышеназванными учеными, можно понять, что происходило в молодой советской республике в 20-30-е годы, почему получили развитие репрессивная система и обожествляемый культ личности, в силу каких причин оказался столь могуч государственно-партийный прессинг и почему народ позволял государству уничтожать себя.

Исходя из историософского понятия "тоталитаризм", автор диссертации свои методологические построения выводит из одного критерия тоталитаризма: системы террористического полицейского контроля, предложенного Фридрихом и Бжезинским и никем из ученых не поставленного под сомнение. Принуждение, массовое насилие и массовый террор проявились в советской действительности в форме репрессий, экономического и внеэкономического принуждения, попрании прав и свобод личности, пренебрежении к нравственно-этическим нормам, "перевоспитании" личности через лагерную систему, лагерный режим.

Проблема формирования и развития сталинских лагерей с применявшимся там повсеместно принудительным трудом и всевозможными методами подавления личности не является всемирно-глобальной проблемой и самостоятельно существовать не может. Как правило, ее рассматривают как частное явление, происхождение которого берет начало в тоталитарном режиме, сложившемся в нашей стране после 1917 года. Не оспаривая данный взгляд на проблему, автор диссертации отметил ее важность и значимость в ряду других проблем, в частности, проблемы воспитания нового человека, за которую так "радели" большевики.

Отсюда естественны и другие вопросы: какова природа сталинских лагерей и что они собой представляли? Казалось бы, ответ уже дан — в сталинском режиме. Однако сам по себе он слишком прост и примитивен, поскольку не затрагивает глубины и корней появления и функционирования лагерной системы. Для ответа на поставленный вопрос необходимо поднять систему проблем, настолько переплетающихся между собой, настолько взаимопроникающих друг в друга, дополняющих и объективно вызывающих одна другую, что требует тщательного анализа каждая из них, в том числе и их взаимообусловленность. Логика рассуждений такова. Лагерная система присуща практически всем странам, вступавшим в стадию социализма (в разной степени развития), порождена самим социалистическим строем, превратившимся в свою очередь в тоталитарную систему. Последняя базируется на одном из главных своих "китов" — насилии и принуждении. Социализм, как идея, идеология, порожден марксизмом и реализован на ленинской концепции построения социализма. Иными словами, лагерная система в той форме, какую она приобрела в СССР — есть порождение социализма, в первую очередь социалистической идеологии, идеи. Отсюда, по мнению автора, необходимо проанализировать, во-первых, в какой степени социалистическая идеология смогла породить лагерную систему; во-вторых, в силу каких причин социализм, по мнению основателей марксизма-ленинизма, не мог

обходиться без принуждения и насилия; в-третьих, чем объяснить, что карательная машина социалистического государства нашла социальную, экономическую, культурную почву; в-четвертых, почему в России идея принуждения и насилия более популярна, нежели идея свободы и т.д. Без ответа на поставленные вопросы понять природу, сущность и причины появления лагерей в СССР невозможно.

Понять смысл и глубину трагедии послеоктябрьской России можно лишь проанализировав теоретические основы большевистской программы строительства социализма, целей и задач, поставленных партией и ее руководителями перед народом, методов и путей достижения этих целей. В связи с этим возникает вопрос — в какой степени повлияла теория марксизма на умы и действия русских революционеров, на их программные видения после прихода к власти в 1917 году? В исторической литературе 90-х годов все более устойчиво утверждается мысль, будто К.Марксом и Ф.Энгельсом была создана некая ошибочная модель социализма, которую впоследствии реализовал Сталин. Автор диссертационной работы полагает, что подобного рода суждения основаны на недостаточно полном и недостаточно глубоком освоении классического наследия теоретиков социализма. Если исходить из теории Маркса, в России, прежде чем решать задачи собственно переходного периода от капитализма к социализму, необходим был своего рода "предпереходный" период, когда пришлось бы "подтягивать" предпосылки социализма (материально-техническую базу и уровень буржуазных отношений). Ленин, прекрасно осознавая неподготовленность России к такому социальному эксперименту, тем не менее уповал на политическую революцию. Такой односторонний подход к решению столь многотрудной проблемы оказался, как показала история, утопическим. К моменту самой революции конкретной программы формирования социалистической экономики, социалистических общественных отношений у большевиков не было и быть не могло. Россия нуждалась в буржуазно-демократической революции, а не в социалистической. Весной 1918 года делались попытки формирования такой программы, переплетенной, правда, утопическими идеями, однако они были сорваны гражданской войной. После войны Ленин понял гибельность своей программы, начал поиск новой. Маркс в своих работах отмечал, что первая фаза новой формации всегда многоукладна, старое органически переплетено с новым. Из марксовской методологии не вытекало, что социализм — первая фаза коммунистической формации — будет представлять какое-либо исключение. Однако большевики не смогли или не захотели увидеть это. В те годы утопическое представление о социализме, как экономике с одним лишь укладом, было настолько сильным, что вместо критического анализа в 20-е годы начались поиски обоснования именно утопического понимания социализма. Уже в 1925-1926 гг. Сталин предложил рассматривать социалистическую революцию и переход к социализму как особый случай, исключение из законов формационного перехода.

Автор диссертации рассматривает вопрос о понимании В.Лениным сущности государства, права, свободы. Обратная сторона марксистско-ленинской трактовки сущности государства, как классовой диктатуры — это оценка демократии, свободы, права, принципов гуманизма досоциалистической эпохи как малозначущих компонентов общественно-политической жизни. С точки зрения Ленина они способны быть лишь проводниками диктатуры класса, прикрывать ее внешне привлекательными атрибутами, чем вводить в заблуждение трудящихся, народные массы, пряча от них угнетательский характер государства. Ленин считал демократически-правовые институты достойными разоблачения и отрицания.

Неразрывно с вопросом о государстве связан вопрос о свободе. Показательно, что к последней Ленин на протяжении всей своей революционной деятельности оставался в целом равнодушным.

Он желал разрушения буржуазной государственности и буржуазных свобод. Процесс разрушения видел в отказе от принципа формирования на территориях представительных учреждений, от принципа разделения властей, от равенства всех без исключения граждан перед законом. Чем он предлагал заменить буржуазную государственную систему? Его модель — пролетарское социалистическое государство — орудие диктатуры рабочего класса, т.е. власти, завоеванной и поддержанной насилием и не связанной никакими законами. По представлению Ленина, пролетариат учреждает собственное государство не для установления в обществе свободы, а для насильственного подавления своих противников. Это не только фабриканты и купцы, помещики и кулаки, царские чиновники и буржуазная интеллигенция, но и хулиганы, жулики, спекулянты, волокитчики, бюрократы, лодыри, все попадающие под буржуазное влияние люди (независимо от их классового происхождения, вплоть до потомственных пролетариев). При таком ленинском подходе любой россиянин мог оказаться в списке врагов пролетариата ("вредным насекомым"). Ленин убежден, что от них необходимо очистить всю российскую землю. Тем самым он заложил основы не только тотального насилия в обществе, но и тотальной безнравственности, корни которой кроются во вседозволенности политики насилия и страха.

Прямым продолжателем Ленина, учеником в вопросах развития теории насилия, принуждения, террора стал Николай Иванович Бухарин. В 1920 г. в работе "Экономика переходного периода" он ведет разговор об обоснованности "внеэкономического" принуждения в переходный период. По Бухарину, режим пролетарской диктатуры, который монополизировало "все средства физического принуждения и духовной переработки людей" призван решить две задачи. Одна — уничтожение, выкорчевывание частнособственнических отношений, слом, разрушение буржуазной государственности, подавление классовых врагов пролетариата, вторая — осуществление пролетарской властью принуждения... трудящихся. Пророческими явились рассуждения Бухарина по вопросу о перевоспитании "опасных элементов". Впоследствии Сталин увидел в них не только рациональное зерно борьбы с инакомыслием, но, что очень важно, создал на их базе стройную систему уничтожения человеческого достоинства, машину по перемалыванию людских душ, конвейер по созданию нового типа человека. Основной вывод Бухарина циничен и не нуждается в комментариях: "Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи".

С середины 20-х годов в течение почти трех десятилетий роль главного продолжателя, охранителя и толкователя ленинских идей присвоил себе И.В.Сталин. В политику террора были вовлечены массы, что позволило Сталину установить прямой контакт: вождь - массы, где представлялось возможным апеллировать к ним напрямую, минуя партию. Террор против партийной элиты воспринимался народом как возмездие начальству за совершенные преступления, достигая таких масштабов, что казалось, он иррационален, бессистемен и что в нем отсутствует логика. Однако именно это позволяло Сталину удерживать в состоянии страха целое государство.

Тоталитарную систему в период правления Сталина российские ученые называют сталинизмом. Существует несколько его определений: - сталинизм - это однокомандная система репрессивного типа, - сталинизм - деспотичный режим, порождение государственно-административного социализма, - сталинизм - тирания, порожденная казарменным социализмом.

Наиболее интересным определением, по мнению автора диссертации, является: сталинизм - личная диктатура, вырастающая из массовой демократии (неправовой), из революционного

авторитаризма и опирается на традиционные черты российской политической культуры (идеологию государственного сознания и подчиненность общества государству).

Во второй главе диссертации, "Законодательная база пенитенциарной системы в 20-40-е годы", автор анализирует законодательную базу системы принуждения, в т.ч. лагерной. Ряд исследователей сегодня готов признать, что сама по себе идея перевоспитания преступников в молодой социалистической стране была оформлена действительно демократическими законами, положениями, постановлениями и т.д. И если бы они соответственно выполнялись, наша система перевоспитания осужденных приняла бы форму, соответствующую своему содержанию, т.е. оказалась бы "самой социалистической, самой демократической, самой гуманной в мире". Они ссылаются, в частности, на такой документ, как постановление ВЦИК и СНК от 20.03.1930 г. "По докладу НКВД РСФСР о состоянии производственной и культурно-воспитательной работы в местах заключения и об организации принудительных работ без содержания под стражей". "Заботливое" отношение к заключенным ВЦИК и СНК выражалось в том, чтобы продолжить организацию в местах заключения производственных предприятий ремесленного и фабрично-заводского типа, состоящих на хозрасчете; укрепить и далее расширить сеть сельскохозяйственных колоний, главным образом, огородно-овощных и промысловых садово-плодовых хозяйств близ городов для направления туда заключенных преимущественно из крестьян; усилить ассигнования на культурно-просветительскую работу, а также обеспечить участие исполнительных органов советской власти и общественности в культурно-просветительской работе с осужденными.

В главе проанализирован главный "стратегический" документ лагерной системы "Положение об исправительно-трудовых лагерях" (1930 г.), который выполнял сразу несколько функций: определял место, роль, значение лагерей в системе карательных органов; регламентировал режим, порядок содержания заключенных; определял категории з/к, виды режимов; раскрывал систему управления лагерями, их структуру; очерчивал круг условий труда заключенных, дисциплинарные меры воздействия на них; характеризовал прокурорский надзор за лагерями. С помощью "Положения" руководство страны предполагало четко урегулировать взаимоотношения внутри лагерной системы. Впервые была представлена классификация заключенных, в частности, по трем категориям в зависимости от их социального положения и характера совершенного преступления. К первой категории отнесены заключенные из числа трудящихся, пользовавшихся до вынесения приговора избирательными правами, осужденные впервые на сроки не свыше пяти лет и не за контрреволюционные преступления. Ко второй относились те же заключенные, но осужденные на срок свыше пяти лет. Третью категорию составляли заключенные, относящиеся к нетрудовым элементам, а также осужденные за контрреволюционные преступления.

Данная классификация пока выглядела далеко не совершенной. В последующих документах в основе ее, кроме политического, были заложены: производственный признак – отличие з/к друг от друга по степени тяжести физического труда (группы А, Б, В, Г), и постатейный (политические, уголовники-рецидивисты, указники). "Положение" регламентировало также лагерный режим: первоначальный, облегченный и льготный. Многолетний опыт деятельности лагерей, поиски путей улучшения, совершенствования, эффективности результатов, в первую очередь экономических, успешная практика перемалывания сотен тысяч советских граждан многому научила административных работников и теоретиков лагерной системы. За семнадцать лет (с 1930 по 1947 гг.) в потоке решения всевозможных проблем, достижения "успехов", выковывался новый облик лагеря со всеми его составляющими. В частности, вопрос режима содержания заключенных оттачивался, приобретал законченные формы и в момент рождения нового "Положения об исправительно-трудовых лагерях и колониях Министерства внутренних дел Союза ССР" (1947 г.),

когда у государства появилась острая "необходимость" расширить и без того обширную сеть лагерей, он предстал четким, обдуманым, отработанным, сопровождаясь жестокой уверенностью разработчиков в том, что заключенные "заслуживают большего".

В связи с упразднением народных комиссариатов внутренних дел союзных и автономных республик и передачей мест заключения в ведение народных комиссариатов юстиции союзных республик, а также необходимостью приспособления их деятельности к условиям, якобы, обострения классовой борьбы, возникла потребность в совершенствовании правового регулирования исполнения уголовного наказания в местах лишения свободы.

Нормативным актом, определявшим отношения в лагерной системе, стал "Исправительно-трудовой кодекс РСФСР", утвержденный 1 августа 1933 г. постановлением ВЦИК и СНК. Основной задачей уголовной политики на период перехода от капитализма к социализму Кодекс определил защиту диктатуры пролетариата и осуществляемого им социалистического строительства от посягательств со стороны классово-враждебных элементов и нарушений со стороны как деклассированных элементов, так и неустойчивых элементов из среды трудящихся.

В отличие от "Положения" 1930 г. здесь классификация заключенных иная, в частности, нет дифференциации по политическим и уголовным статьям. По мнению автора диссертации, она слишком обтекаема и безлика. Когда по данной классификации распределяли заключенных по лагерям, то рядом оказывались как "указники", так и уголовники, получавшие часто малые сроки. То есть тот критерий, который был заложен в основу представленной в Кодексе классификации – сроки лишения свободы, не поддавался никаким разумным комментариям. Лишь впоследствии в лагерной системе выделены были особо опасные рецидивисты, бандитствующие элементы, социально опасные для общества, которые помещались в отдельные лагеря или же особые зоны. Между тем, в момент начала массового наполнения лагерей раскулаченными, "указниками" (по указу 7 августа 1932 г. и другим), политическими (по ст.58) действовала принятая по Кодексу классификация осужденных, поэтому оказавшимся впервые за колючей проволокой, не знакомым с уголовным миром, его традициями и неписаными законами, приходилось лихому, мало кто из них выживал в столь жестокой системе, созданной своим же "родным" государством.

К моменту принятия нового Кодекса места лишения свободы подразделялись на: а) изоляторы для подсудимых; б) пересыльные пункты; в) исправительно-трудовые колонии (фабрично-заводские, сельскохозяйственные, массовых работ и штрафные); г) учреждения для применения к осужденным медицинских мер (институты психиатрической экспертизы, колонии для туберкулезных и др. больных); д) учреждения для несовершеннолетних, лишенных свободы (школы, ФЗУ). Из всех видов мест лишения свободы главным Кодекс называл трудовые колонии, где заключенные дифференцировались по классовой принадлежности, возрасту и т.д.

Нагляднее всего несоответствие реальных процессов в лагерной жизни правовым, нормативным актам прослеживается на примере инструкции "О режиме содержания заключенных в исправительно-трудовых лагерях НКВД СССР" (1939 г.) и "Положения об организации труда заключенных" (1947 г.). Так, во "Временной инструкции...", в разделе "Обязанности и права заключенных" из 18 пунктов лишь 5 имели разрешительный характер. Все остальные пункты посвящены "запретительным" вопросам. Наиболее серьезные запреты касались политических заключенных, на которых не распространялся даже тот минимум разрешений, который представлен в документе, либо распространялся с существенными ограничениями.

Несмотря на разработку ряда нормативных положений по вопросам режима и труда заключенных, объем прав последних крайне ограничивался дополнительными инструкциями, всякого рода наставлениями, ведомственными нормативными актами, что диктовалось принципом ведомственной целесообразности и не способствовало установлению справедливого отношения к осужденным, облегчению их лагерной жизни. Не те цели стояли перед государством.

Почему относительно мягкий режим лагерей 20-х годов сменился на жестокий, уничтожительный? Что же произошло в юриспруденции России в 30-е годы? Прежде всего оборвались всякие связи "права" с гражданским обществом. Право оказалось вне общества. Оно стало прерогативой только государственного аппарата, да и там, выделенное из социального контекста, превратилось в некий агрегат из статей и параграфов, т.е. стало частью его политико-административного инструментария, средством для усиления госаппарата и личной власти. Это привело к оттеснению реального права на периферию общественной жизни, в полускрытую сферу деятельности государства. Разрыв права и действительности привел к тем порокам, которые наблюдались в истории России периода правления Сталина: к массовым репрессиям, правовому "беспределу", изоляции личности от общества, ограничению и лишению свободы для большей части населения. О защите человеческой свободы речь вообще не шла, а само право не превратилось в действенный инструмент свободы, не стало фактором защиты самоуправления, индивидуальной и коллективной самодеятельности. Право в лице закона в России, в отличие от цивилизованных стран, не только не выполнило своей главной функции – защиты гражданского общества от диктата госаппарата, но и само явилось, в ряду других, мощным элементом подавления индивидуума. Причину подобного положения следует искать в тоталитарном режиме, где отсутствие рыночных отношений – основы формального равенства, предопределило отсутствие права. Следствием чего оказался правовой произвол и потерялся исконный смысл права.

Нельзя не согласиться с мнением, что в 1927-1939 гг. и далее по ложному обвинению во "вредительстве", "подкулачничестве", "шпионаже", "контрреволюционной деятельности" и т.д. оказались репрессированными миллионы людей, "не нарушивших ни одного из советских законов". Судебно-карательные органы воплотили в себе все процессуальные беззакония, известные в истории. В стране возникло настоящее лагерное рабство, в системе которого эксплуатировалось несоизмеримо больше "говорящих орудий", чем на строительстве египетских пирамид. Компании арестов следовали одна за другой и обеспечивали режим тотальной терроризации.

В третьей главе "Источники пополнения лагерного контингента" основное внимание уделено анализу "процессов" и уголовных дел в Кузбассе, ставших одним из главных источников пополнения лагерей. Репрессивная машина заработала активно со второй половины 20-х годов, и была направлена в основном против крестьянства, которое составляло большую часть населения страны, в том числе и Западно-Сибирского региона. Крестьянство стало первым массовым источником наполнения лагерей бесплатной рабочей силой. С 1929 до середины 1930 года в СССР было "раскулачено" свыше 320 тысяч семей (не менее 2 миллионов человек). Многие из них попадали в исправительно-трудовые лагеря, остальные отправлялись на спецпоселения в отдаленные районы страны. Однако общее число репрессированных крестьян значительно превышает и эти цифры.

Другим источником наполнения лагерного контингента явился так называемый процессуальный, когда после судебных процессов (открытых и закрытых) основная часть осужденных попадала в

лагерные зоны. В 30-е годы полномочным представителем ОГПУ по Запсибкраю были "раскрыты" и ликвидированы "повстанческая вредительская" организация "Томский рабочий комитет", контрреволюционная повстанческая старообрядческая организация "Сибирское братство", контрреволюционная организация "Партия народных героев Польши" и др. В середине 1936 г. привлеченных за контрреволюционные преступления стало меньше и это не осталось незамеченным со стороны И.В.Сталина. По его личному указанию 19-24 августа 1936 г. Военной коллегией Верховного суда СССР на открытом судебном заседании рассмотрено дело о так называемом "антисоветском объединенном троцкистско-зиновьевском центре". По этому делу на территории Запсибкрая арестовано и привлечено к уголовной ответственности свыше 1100 человек.

После вышеназванных процессов начались активные приготовления к следующей акции по делу Н.И.Муралова и Ю.Н.Дробниса, обвинявшихся во вредительстве. Крупные аварии из-за несовершенной технологии происходили на предприятиях и шахтах Кузбасса постоянно. Именно этот факт вменили в вину арестованным. По "делу" проходили иностранные рабочие, приехавшие в Россию с целью, с одной стороны, попробовать заработать на жизнь своих семей, с другой – помочь молодой Советской республике строить социализм. Они обвинялись в том, что объединились в контрреволюционную организацию и с 1932 года вели антисоветскую деятельность. Условия складывались так, что подобное дело явилось логическим результатом происходящих в стране процессов. В обстановке экономического хаоса любой инцидент или срыв на производстве автоматически считался как диверсия или вредительство. Из каждого отдельного случая вырастало "дело" в назидание другим. В процессе осуществления непосильных пятилетних планов срывы происходили достаточно часто. Советские методы планирования и отчетности превращали жизнь промышленных руководителей в пытку. Задания и сроки оказывались невыполнимыми, однако признать их нереальность означало сразу угодить в тюрьму. Руководители промышленных объектов скрывали как могли истинное положение дел, что затягивало выполнение планов и доводило до крупного провала, который уже невозможно было скрыть. Тогда начинался поиск стрелочников – от начальников до подчиненных. В такой ситуации непосредственными "исполнителями", как правило, оказывались простые рабочие или служащие.

Именно на таких принципах сфабриковывались дела, в т.ч. группы С.Е.Попова (99 чел.), председателя Западно-Сибирского крайисполкома Грядинского, его заместителей и др. (свыше 150 чел.). Им вменялась в вину политика провозглашения Сибирской республики в момент объявления войны, при содействии Японии и за счет территориальных компенсаций в ДВР (Дальневосточная республика). Дело В.Розина, редактора краевой газеты "Большевицкая сталь" (г.Сталинск) – было связано с вскрытием этого центра. Розину предъявлялись обвинения в подрывной работе в местной газете. Он обвинялся в принадлежности к контрреволюционной организации, руководимой "врагами народа Бухариным и Рыковым и ставившей целью свержение Советской власти и реставрацию капитализма в СССР методами шпионажа, вредительства и террора". Розина расстреляли, остальных (более 100 человек) отправили в лагерь.

Наглядное представление о стремлении органов НКВД в кратчайшие сроки ликвидировать враждебные элементы, отправив их основную часть на "перевоспитание" в лагерь, дают материалы ряда архивно-следственных дел. Так по "сценарию" руководящих работников УНКВД по Запсибкраю в период 1936-1938 гг. появилась на свет серия дел о так называемой "контрреволюционной диверсионной повстанческой организации" на Томской железной дороге. Главным исполнителем этой акции стал начальник дорожно-транспортного отдела ГУГБ НКВД

СССР по Томской железной дороге Невский. Только за 1937 г. по этой "организации" репрессировано более 1200 человек, а за весь период с 1936 г. по 1938 г. свыше 5000 рабочих и служащих.

Удаленность от центра не означала абсолютной безопасности. Укрыться от "карающего меча революции" невозможно было нигде. Открытые судебные процессы проводились не только в крупных центрах, но и в районах. Районные дела имели некоторые особенности. Во-первых, следствие, как и судебное разбирательство, велось более тщательно (в силу меньшей загруженности делами). Во-вторых, как правило, это были менее масштабные дела, если на то не было никаких указаний сверху. В-третьих, проводились обычно на закрытых судебных заседаниях. В-четвертых, для возбуждения дел в районах не требовалось особо крупных поводов, достаточно было сведения личных счетов по доносам и т.д.

В общей сложности через такой канал, как судебные процессы, в лагеря страны, Кузбасса в том числе, попала (по подсчетам автора) более 65% советских граждан. Основная часть осужденных, проходя через судебные разбирательства, в процессах фактически не участвовала. Формальное осуждение облегчало правоохранительным органам осуществлять на местах массовые аресты и массовые отправки арестованных в гулаговские "заведения". Существовавшая в те годы правовая система способствовала этому процессу.

В четвертой главе "Система управления, производственная деятельность кузбасских лагерей (30-е - начало 50-х годов)" освещаются вопросы формирования лагерной системы в стране и развитие их в Кузбассе. На конкретно-историческом материале рассматривается многогранная производственная деятельность девяти кузбасских лагерей, их влияние на развитие народно-хозяйственного комплекса края.

Из всей территории Западной Сибири именно в Кузбассе сеть лагерей наиболее обширна, хотя здесь наблюдалась относительная мягкость режима. По данным ведомственных и государственных архивов, число крупных лагерей в Кузбассе ограничивалось пятью (Горшорлаг, Севкузбасслаг, Южкузбасслаг, Сиблаг, ОИТЛК), менее крупных – Кемеровожилстрой, Кузбассжилстрой, Араличевский, Камышлаг. Каждый лагерь структурно и территориально делился на отдельные лагерные пункты и лагерные отделения, которые, в свою очередь, дифференцировались на лагерные пункты. В общей сложности на территории девяти лагерей располагалось около пятисот лагерных пунктов (ЛП) и отдельных лагерных пунктов (ОЛП). Подобная насыщенность, а точнее – перенасыщенность лагерями на территории Кузбасса привела к двоякого рода последствиям. С одной стороны, во многом и благодаря принудительному труду заключенных (а их вместе со спецпоселенцами за 30-40-е годы прошло через лагеря и комендатуры Кузбасса около 2 млн. человек) в этом регионе успешно шла индустриализация края (30 гг. - КМК, Мундыбашская аглофабрика, Горно-Шорская железная дорога (Новокузнецк - Учуден - Таштагол), построены новые шахты в городах Осинники, Ленинск-Кузнецкий, Анжеро-Судженске других, проведены через тайгу узкоколейки - в районе Нового Света, Азанова (Ижморский район), подвесная монорельсовая дорога из Яшинского района до г. Анжеро-Судженска (40 км), что говорит о значительном вкладе лагерной экономики в государственный фонд. В годы Отечественной войны лагеря Кузбасса наряду с выполнением гражданских заказов выполняли и военные, огромную долю продукции направляя на фронт. В послевоенное время кузбасские лагеря (Севкузбасслаг, Южкузбасслаг) отправляли на государственные стройки до 20-25% всего произведенного лагерями страны объема вырубленного леса. Лагеря Кемеровожилстрой

(управление в г. Кемерово) и Кузбассжилстрой (управление в г. Сталинске) обеспечивали до 40-45%, а иногда и значительно выше, выполнение планов гражданского строительства.

С победой советской власти началась реформа тюремного дела в Сибири. Начальный этап формирования лагерной системы в Кузбассе (1921-1926 гг.) характеризуется появлением первого "Положения" об НКВД, созданием Главного управления мест заключения и его органов на местах (1922 г.) и сосредоточением всех мест лишения свободы в НКВД, а также принятием Исправительно-трудового Кодекса РСФСР. Общие места заключения переименованы в исправительные дома. Созданы колонии для несовершеннолетних заключенных.

На втором этапе (1926 - июнь 1941 гг.) в Кузбассе действовали три тюрьмы и более десяти исправительно-трудовых учреждений. Они явились структурными подразделениями Управления мест заключения (УМЗ) УНКВД по ЗСК, а также специальных лагерей. Эти учреждения, наряду с другими ИТУ Западно-Сибирского края, послужили базой для создания крупнейшего исправительно-трудового лагеря в стране, скорее – региональной системы лагерей, объединенной общим названием СИБЛОН ОГПУ (Сибирские лагеря особого назначения) или сокращенно – Сиблаг, Сибирские лагеря, Сибирский ИТЛ. В эти же годы на территории края действовал Горношорский лагерь.

Горшорлаг, как самостоятельный и подчиненный непосредственно ГУЛАГу НКВД СССР, ранее подчинявшийся Сиблагу, официально был образован на основании приказа по НКВД № 0-75 от 25 апреля 1938 года и приказа по Управлению Сибирских исправительно-трудовых лагерей НКВД СССР № 0-22 от 26 апреля 1938 года, где говорилось о расформировании Ахпунского отделения Сиблага НКВД СССР и на его материально-людской базе создании Горшорлага. Причиной появления самостоятельного лагеря на юге Кузбасса была необходимость создания оперативного управления строительными работами на важнейшем объекте края – Горно-Шорской железной дороге. Железную дорогу начали строить в 1930 году, однако сдали в эксплуатацию лишь в 1940 г. Причинами долгостроя являлись, во-первых, сложные географические, геологические и климатические условия, требовавшие специального оборудования, геологической и строительной техники; во-вторых, ограниченное финансирование работ из Центра; в-третьих, огромный дефицит местных трудовых ресурсов, постоянная нехватка квалифицированных кадров (инженеров, техников) и т.д. С такими проблемами построить железную дорогу за 1-2 года, как планировалось, было практически невозможно. Неквалифицированный труд спецпереселенцев и трудармейцев явно не способствовал ускорению строительства железнодорожного полотна, в силу чего уже с середины 30-х годов на стройку были брошены силы заключенных одного из отделений Сиблага (Ахпунского), располагавшегося в то время на территории строительства, ставшего базой для создания Горшорлага. Результатом явилось более качественное и ускоренное завершение работ.

Структура хозяйства лагеря определялась характером производимой работы – линейным строительством железнодорожной линии. В связи с этим структура аппарата построена по комплексно-производственному признаку, т.е. весь комплекс работ на определенном участке трассы как основных, строительных, так и вспомогательно-обслуживающих и подсобных производств, возлагался на определенную единицу – колонну, которая являлась самостоятельной производственной единицей. В 1936 году в составе строительства находилось 26 колонн.

Строительство Горношорской железной дороги оказалось крайне неэффективным. Государство, надеясь на дешевую рабочую силу заключенных, рассчитывало построить дорогу практически бесплатно, однако в реальности (судя по балансовым отчетам) государству эта стройка обошлась

дороже, чем предполагалось. Если же говорить о цене жизней, загубленных на этой стройке, то равных ей в Кузбассе не было. На строительстве Горношорской дороги погибли десятки тысяч заключенных.

Сибирский исправительно-трудовой лагерь НКВД СССР (Сиблаг) начинает функционировать с 1942 г. на основании приказа от 7 апреля 1942 г. за № 0116 "О разукрупнении Управления Исправительно-трудовых лагерей и колоний по Новосибирской области". Следствием чего явилось выделение из состава УИТЛК УНКВД по Новосибирской области одиннадцати хозяйств в организованный на их базе сельскохозяйственный исправительно-трудовой лагерь НКВД.

Система управления в Сиблаге, как и по всей стране, была административно-командной. Высшей инстанцией являлось Управление, низшей – лагерные пункты. Средним звеном в этой цепочке выступали лагерные отделения. Руководство осуществлялось путем передачи многочисленных приказов, указов, распоряжений сверху вниз – из Управления Сиблага в лагерные отделения, из лагерных отделений в лагерные пункты. Администрация лагеря получала их, в свою очередь, от народного комиссариата внутренних дел СССР и Главного Управления лагерей страны.

В системе всех лагерей, не только Кузбасса, но и страны, Сиблаг проходил по категории "оздоровительного". Организован был с целью, во-первых, иметь собственную сельскохозяйственную базу в структуре ГУЛАГа, обеспечивавшую другие лагеря продуктами питания, ширпотребом, в годы войны подготовкой для фронта овчинно-шубных изделий и т.д. Во-вторых, задумывался как большая лагерная лечебница для истощенных, самых дистрофичных заключенных.

Подразделения Сиблага в 30-е годы в основном занимались производством и переработкой сельскохозяйственной продукции. Некоторые подразделения занимались переработкой (заготовкой) древесины. Были свои кирпичные заводы. В Мариинске развивалось промышленное производство – обработка металла. В аграрном секторе Кузбасса Сиблаг (на протяжении 30-40-х годов) приобрел заметное влияние. Валовой объем всей выпускаемой лагерем продукции (по сравнению с гражданским) достигал - в животноводстве, растениеводстве - 50-60%, в лесозаготовках - 80-90%

В марте 1943 г. из состава УИТЛК НКВД по Новосибирской области выведен и передан в подчинение Кемеровской области отдел исправительно-трудовых колоний (ОИТК), подразделения которого ранее уже располагались на территории Кузбасса. На основании приказа НКВД СССР за № 00362 ОИТК объявлялся самостоятельным лагерем. В его вошли промышленные колонии – Яйское отделение (швейная фабрика), Тайгинский ОЛП (лесоразработка и деревообработка) и контрагентские лагеря.

После войны на территории Кемеровской области располагалось сразу 8 крупных лагерей (Сиблаг, Кемероволаг, Кузбасслаг, Севкузбасслаг, Южкузбасслаг, Араличевский, Камышлаг, ОИТК УМВД Кемеровской области) с общим числом заключенных – ок. 160 тыс. человек. Если внимательно взглянуть в карту Кемеровской области и карту лагерей Кузбасса послевоенного периода, можно увидеть, что они идентичны в территориальном размещении – производственные комплексы региона и действовавшая лагерная система края.

Лагеря сетью своих подразделений не только переплели практически всю территорию области, они превратились в "спутники" вокруг городов, районных поселков, деревень. Практически во всех городах Кузбасса приложили свой труд заключенные. В России не найти, наверное, более

области, края, где бы на каждых 18 человек гражданского населения приходился 1 заключенный. А если сюда приплюсовать спецпереселенцев, трудармейцев, таких же изгоев общества, какими были заключенные, тогда картина предстанет еще печальнее – на каждых 2 жителей края приходился 1 "неприкасаемый". Такое перенасыщение области спецконтингентом, наблюдаемое в послевоенный период, явилось результатом тоталитарного режима, осуществлявшегося руководством страны.

О Кузбассе, как крае ссыльных, заключенных – никогда, нигде и никто не писал. Да и кто бы решился сказать, что Кузбасс, эта жемчужина Сибири, поднимался руками спецконтингента, информация о которых была строго засекречена. Однако и игнорировать ее неправомерно. С фактом широкого применения принудительного труда спецконтингента в производственной сфере Кузбасса придется считаться, т.к. он имел место в истории страны, истории нашего края.

В послевоенный период понадобилось много сил, чтобы восстановить изношенный за годы войны жилищный и производственный фонд, причем в условиях, когда финансовых средств и людских ресурсов на выполнение поставленных задач в области не хватало. Выход из критической ситуации был найден. В 1946 году в ведущих городах Кузбасса (Сталинск и Кемерово) созданы новые лагеря, осуществлявшие работу в сфере гражданского строительства и на производстве. Это Кузбасслаг и Кемероволаг. Основным их производственным профилем являлось строительство индивидуальных жилых домов в городах Кемерово, Сталинск, Ленинск-Кузнецкий, Прокопьевск, Анжеро-Судженск.

Наиболее сложная обстановка с кадрами сложилась в лесной промышленности, от деятельности которой зависело как гражданское, так и промышленное строительство. В послевоенный период лесная промышленность практически полностью находилась в ведении Севкузбасслага и Южкузбасслага, созданных по приказу за № 70/16 от 4 марта 1947 года. Являясь лесными лагерями, они имели ряд особенностей, отличавших их от других лагерей: а) дислокация лагерей в удаленных от населенных пунктов местностях, расположенных, как правило, в лесных массивах; б) тяжелый физический труд на лесоповалах; в) ограниченная связь с Управлением лагеря, нерегулярное снабжение продуктами питания, одеждой спецконтингента; г) высокая заболеваемость, травматизм среди заключенных, слабо организованная медицинская помощь; д) отсутствие технического парка, повсеместный ручной труд; е) огромные выработки при ограниченном питании, низкая производительность труда; ж) большая текучесть контингента, замена новыми этапами истощенных, травмированных лагерников и т.д.

С 1950 г. на территории Мысков начал свою работу еще один лагерь – Араличевский. Его появление не было случайно. В данном районе с 1942 г. проводились геологоразведки на Томусинском и Мрасском месторождениях, открывшие большие запасы коксующихся углей. По государственному проекту в районе Мысков планировалось построить агломерационную фабрику по обогащению железных руд для будущего Запсиба. Западнее теперешнего завода железобетонных конструкций разворачивалось строительство гигантского завода по синтезу томусинских и мрасских углей. Араличевский лагерь приступил к строительству этого завода. За несколько лет работы лагеря завод был построен, а сам он переместился на другие объекты.

Камышовый лагерь создан по приказу МВД СССР № 5343/рс от 15 апреля 1951 года в пос. Ольжерас для работ на строительстве шахт Томь-Усинского месторождения, с установленным по плану лимитом контингента 25 тыс. чел. По качественному составу контингента лагерь правомерно назвать "политическим", т.к. из всего количества заключенных 88,5% - осужденные за контрреволюционные действия.

В послевоенный период ОИТК УНКВД по Кемеровской области из небольшого отдела с десятком лаготделений превратился в один из крупнейших в стране лагерей. С 1946 г. по 1948 г. в его составе насчитывалось более 23 тыс. заключенных. Лагерь испытывал огромные трудности в своем становлении. После войны в нем сложилось несоответствие между возросшим объемом работ и той материально-технической базой, которой лагерь располагал. Рассчитанный на 8-9 тыс. человек, лагерь за два послевоенных года вырос по числу контингента в такого гиганта, управлять которым становилось трудно. В отличие от других в Кузбассе, он осуществлял лишь контрагентские работы, не имея своего производства. В этом была особенность лагеря. С 1946 года он поставлял рабочую силу таким организациям, как Кузбассуголь, Кемеровоуголь, трестам Прокопьевскуголь, Молотовуголь, Кагановичуголь и т.д., всего 16-ти организациям. Начало 50-х годов для УИТЛК оказалось неблагоприятным в связи с резкими, порой неожиданными встречными планами ГУЛАГа.

В эти годы в лагерной системе произошли серьезные изменения, связанные с качеством контингента и общей направленностью карательной политики страны. В эти годы досиживали свои сроки те, кто перед войной и в годы войны попали в лагерь, а также, кто вторично после освобождения изолировался лишь по причине бывшей принадлежности к лагерному контингенту. Последние, достаточно хорошо знавшие лагерную систему, чувствовали себя в лагерях относительно самостоятельно и даже независимо. Это уже не были напуганные до смерти жертвы 30-х годов. Перед лицом администраций лагерей стояли проверенные лагерной жизнью люди, сполна испившие горечь унижений и физических расправ. Терять им было нечего, отсюда готовность и к побегам, и к неповиновению администрации. Из таких формировались группы отказников, волынщиков, восставших. В 1953 г., после смерти Сталина, ожидаемая реформа в исправительной системе вылилась лишь в ряде амнистий и заигрывании с заключенными (частичное ослабление режима). Зато широко развернулась агентурно-оперативная работа в их среде. Агентура стала неотъемлемой составной частью культурно-воспитательного отдела лагерей. В УИТЛК, например, она составляла 15% от всего наличия контингента. В других лагерях Кузбасса эта цифра колебалась от 10 до 25%. С этого времени агентура лагерей и колоний давала руководству лагерей информацию по всем вопросам, интересующим ГУЛАГ, вплоть до отношения заключенных к политическим событиям.

В 1954 г. при УМВД Кемеровской области создан Отдел контроля за лагерями области. В 1955 г. он объединился с УИТЛК, чем способствовал последующему шагу в деле объединения всех лагерей под единым управлением внутри области. Ранее существовавшая система подчинения кузбасских лагерей непосредственно ГУЛАГу, кроме УИТК, своего назначения уже не оправдывала. Лагеря все больше вращались в народно-хозяйственный комплекс области и руководить ими с мест было куда удобнее и оперативнее, нежели из Центра. Этот вопрос назрел в условиях распада лагерной системы страны.

Процесс объединения лагерей под единое управление в Кемеровской области начался в 1956 г. с Сиблага. Лагеря северной и центральной части Кузбасса получили впоследствии литер "УН-16/12" с подчинением единому Управлению, расположенному в г. Кемерово, а южные лагеря скрылись под литером "ВД-30" с Управлением в г. Сталинске (Новокузнецке). С тех пор и до наших дней они успешно функционируют, создавая в области высокую криминогенную обстановку, т.к. ежегодно на территории Кузбасса оседает освободившихся из них около 10 тыс. человек.

Пятая глава "Численный состав и категории лагерного контингента" посвящена вопросам численности заключенных в кузбасских лагерях.

Сегодня трудно точно установить количество жертв массовых репрессий. Назывались и называются разные цифры – 60, 40, 20 миллионов. Однако они архивными материалами не подтверждены. Если верить прессе, в период с 1921 по 1954 гг. в судебном и внесудебном порядке было репрессировано за контрреволюционные преступления 3 777 380 человек, при этом к высшей мере наказания приговорено 642 980 человек, к заключению – 2 369 220, к ссылке – 765 180 человек.

Говорить о численности заключенных в лагерях Кузбасса приходится с большими оговорками и рассчитывать на точность цифр невозможно. Архивы на сегодняшний день либо далеко не все открыты, либо в них когда-то произвели чистку материала. Так или иначе, но информация по данному вопросу весьма относительна. Благодаря косвенным источникам, автору диссертации все же удалось получить представление о численности контингента лагерей. Тем не менее, исследователям еще предстоит найти материалы проводимых в ГУЛАГе переписей заключенных. Не вызывает сомнений, такие переписные документы были, т.к. слишком серьезно относилось к населению ГУЛАГа руководство страны.

Вопрос о классификации заключенных ГУЛАГа неразрывно связан с вопросами классификации видов режима и степени виновности осужденных. Автор данной работы выделил следующие группы заключенных, находившихся в сталинских лагерях: а) бытовики (указы, постановления партии и правительства); б) уголовники (все статьи уголовного кодекса, кроме ст.58, 35); в) политические (58 статья, литеры особенного совещания, троек, двоек). Их соотношение, в частности, в кузбасских лагерях, выглядит таким образом: а) 30 – 30%, б) 30 – 20%; в) 40 – 50%. Колебания на десять единиц объясняются средней цифрой, вычисленной по всем (девяти) лагерям.

Следует обратить внимание на бытовиков. Во-первых, эта категория заключенных называлась "бытовиками" только внутри лагерей. В иных инстанциях они проходили как "указники". Во-вторых, многие исследователи, занимающиеся сегодня вопросами спецконтингента сталинских лагерей, эту категорию причисляют к уголовникам, как впрочем, делали это и сотрудники судебных и внесудебных органов, администрации лагерей в 30-50-е годы. Автор данной работы не соглашается с таким подходом, так как считает, что категория "бытовиков" сугубо политическая. Безусловно, судили их по Уголовному Кодексу, в частности, по статьям 162 (воровство), 59 (разбой) и так далее. Однако, эти статьи приписывали им, исходя из ст.16 "Аналогия". На самом деле их вина определялась не УК РСФСР, а указами, постановлениями партии и правительства (Указ, ставший законом, 1932 г. "О колосках", Указы 1940, 1941 г. "О дисциплинарной ответственности". Указы 1947 г. "Об охране социалистической и индивидуальной собственности" и так далее).

Вторая категория – уголовно-бандитствующие элементы или профессиональные преступники: воры, убийцы и т.д. Будучи в явном меньшинстве, они составляли единую организованную группу в лагерях. Вследствие своей сплоченности обычно лучше устроивались в лагерях, чем другие заключенные. Их влияние на лагерную жизнь значительно больше того, которое можно было бы ожидать, исходя из численности. Большинство из них продолжали заниматься своим преступным ремеслом, воруя все, что может попасться к ним в руки, особенно продовольствие.

Категория политических "преступников" состояла из нескольких подгрупп: а) крестьяне, подозреваемые в индивидуалистических стремлениях и, таким образом, являвшиеся нежелательными и опасными для колхозов; б) лица, побывавшие за границей или имевшие за границей членов семей, с которыми поддерживалась связь. Здесь непропорционально высок

процент евреев, так как почти каждая еврейская семья в России имела родственников в Польше, Румынии или другой еврейской стране. Эта группа также включила в себя иностранных коммунистов: немцев, австрийцев, венгров и др., которые бежали от преследования своих правительств. Почти все они арестованы в 1937 г. по обвинению в шпионаже; в) бывшие жители пограничных зон (российские поляки, проживавшие вдоль западной границы Советского Союза, а также китайцы и корейцы, которые жили у восточной границы). Многие из них до 1937 года были депортированы вглубь страны, а во время массовых арестов 1937 года направлены из своих домов прямо в трудовые лагеря; г) люди, осужденные за религиозные убеждения: католики, баптисты, сторонники украинской ортодоксальной церкви и др. Они выделялись высокими моральными качествами и твердостью своих убеждений. На фоне деморализации и взаимной вражды, господствовавшей в лагерях, эти люди резко выделялись стойкостью принципов и честностью поступков; д) средние или высшие чиновники, осужденные за различные "политические" преступления. Большое их число являлось инженерами и техниками, осужденными, главным образом, по подозрению в саботаже или вредительстве. Эта группа находилась в несколько лучшем положении, чем остальные политические заключенные. Им, обычно, удавалось добиться административных постов, которые обеспечивали более легкие условия жизни; ж) люди, осужденные за специфические для Советского Союза преступления во время войны: сотрудничество с врагом во время оккупации; военнопленные; мужчины и женщины, вывезенные из Германии, которых обвиняли в добровольных связях с врагом, а также граждане тех стран, которые оказались под оккупацией в конце войны.

Заключенные в лагерях делились на четыре группы в зависимости от трудоспособности. Относившиеся в первой категории (гр. А) считались наиболее трудоспособными, выносливыми. На них, как правило, возлагались основные объемы работ. Это была главная рабочая сила лагеря. Удельный вес ее – свыше 60%. Во вторую категорию (гр. Б) включали тех, кто был менее физически вынослив. Использовали их на работах средней тяжести (ее удельный вес около 30%). К третьей категории (гр. В) причисляли больных и инвалидов (около 7%). Нетрудоспособные инвалиды (гр. Г) составляет до 3% заключенных.

В 30-е годы обновить состав заключенных не составляло особого труда. Потоки репрессированных рабочих, крестьян, служащих, целых народов не прекращались вплоть до наступления войны. В военных условиях движение населения в лагерь значительно приостановилось, что видно из материалов Сиблага.

В текущем архиве УВД по Кемеровской области с трудом удалось обнаружить ряд документов, проливающих свет на численность Севкузбасслага и Южкузбасслага, по другим лагерям статистические данные в виде динамики (по годам) отсутствуют. Это отчеты по исполнению сметы расходов лагерей, отчеты по основной деятельности и капитальным вложениям за 1948-1953 гг. Среди них наибольшего внимания заслуживают отчеты начальников лагерей об использовании труда заключенных, о выполнении плана по труду, составленные на начало каждого года (январь-февраль).

Судя по информации этих отчетов за 1947 год в Севкузбасслаге числилось 14 350 чел, в Южкузбасслаге – 18 750 чел. Насколько можно доверять этим цифрам? На момент образования данные лагеря, принимая из других областей лагерный контингент, навряд ли вели строгую отчетность прибывших, т.к. часть последних находилась на пересылках, раскомандировках. Отсюда не весь состав мог быть подконтрольным. Об этом приходится говорить в силу различных

показателей, встречающихся в разных документах, характеризующих численность и состав лагконтингента.

По Южкзбаслагу картина более стабильная. На протяжении восьми лет их существования (1947-1955 гг.) численность заключенных в обоих лагерях последовательно возрастала с 14 тыс. (1947 г.) до 19 тыс. (1953 г.) в Севкзбаслаге и с 18 тыс. (1947 г.) до 23 тыс. (1953 г.) в Южкзбаслаге. После 1953 г. количество лагконтингента в обоих лагерях стало падать, в северном лагере к 1955 г. оно сократилось на 2 150 человек, в южном – на 1 940 человек. Впоследствии эти цифры еще более увеличились. Не изменилась ситуация лишь в Сиблаге, где насчитывалось от 30 тыс. до 35 тыс. чел. Во все годы его деятельности наполняемость достигала выше предельных норм, что объясняется его профилированием. УИТЛК, ставший после 1956 г. ведущим, вернее единственным, в Кемеровской области, имел в наличии более 100 тыс. человек.

В момент образования в Кузбассе Сиблага и ОИТК (1942/1943 гг.) на территории нашего края одновременно находилось 46 676 заключенных или 3,1% от всего числа лагнаселения страны. Из года в год этот процент возрастал и к 1953 г. достиг 5,4%. Наиболее высоким он представлен в 1947 г. – 5,9%. Начало 50-х годов для лагерей нашего края охарактеризовалось резким ростом численности лагконтингента со 106 801 чел (1949 г.) до 126 028 чел (1951 г.) и 134993 чел (1953 г.). Причины его крылись в растущих объемах производственной деятельности лагерей.

Менее крупные лагеря, такие как Кузбаслаг, Кемероволаг, Араличевский и Камышовый в количественном отношении не являлись определяющими. Их удельный вес по числу заключенных в ряду кузбасских лагерей-гигантов был невелик, в 1947 г. по Кемероволагу – 9,8%, Кузбаслагу – 7,6%; в 1949 г. – соответственно 10,3% и 7,0%. В 1953 году картина выглядела следующим образом (по удельному весу к общему числу заключенных Кемеровской области: Сиблаг – 26,0%. УИТЛК – 18,5%, Южкзбаслаг – 17,0%, Севкзбаслаг – 14,3%, Камышлаг – 8,2%, Кемероволаг – 7,5%, Куз-баслаг – 5,8%, Араличевский – 2,4%. Следует отметить, что все вышепредставленные цифры (как абсолютные, так и относительные) могут колебаться плюс-минус на 1%, т.к. наблюдавшееся активное движение контингента влияло на нестабильность наполняемости лагерей.

По половому признаку кузбасские лагеря могут характеризоваться как мужские, с частичным использованием труда женщин в гр. "Б", и в основном "В". Так как лагеря здесь являлись "тяжеловесными" (по уголовно-режимному признаку), то отсутствие женщин должно бы быть естественным. Тем не менее женщин в кузбасских лагерях было достаточно, кроме Камышлага. Труд их использовался во всех сферах производства, вплоть до лесоповала. Удельный вес женщин в Кузбасских лагерях колеблется от 7% до 21%, опять же кроме Сиблага, где более 67-70% лагерь состоял из женского контингента. В остальных лагерях женский труд применялся большей частью в обслуживавшей лагерь сфере (прачки, уборщицы, поломойки в бараках, столовые работницы, медобслуга и т.д.).

В Кемеровской области автором диссертации обнаружена картотека Сиблага, по другим лагерям таковые пока не найдены. В связи с чем по этому лагерю подготовлена достоверная характеристика осужденных, чего нельзя сказать о других лагерях, материал по которым представлен через опосредованные источники. Сведения, полученные на основании карточек, позволили получить по Сиблагу четкую картину численности и состава заключенных (в первую очередь политических) в период существования лагеря (1942-1960 гг.).

В шестой главе "Режим, условия содержания и быт заключенных" автором диссертации рассматриваются вопросы режима, условий содержания и быта заключенных. В кузбасских лагерях самыми распространенными были общий и строгий режимы. Общий применялся в лагерях, где выполнялись контрагентские работы (Кузбасслаг, Кемероволаг) или труд был сельскохозяйственным (Сиблаг). В лесных лагерях (Севкузбасслаг, Южкузбасслаг, режим всегда был строгий. Это объясняется тяжелым физическим трудом с применением наказаний (голодом, ШИЗО, ограничением переписки), а также античеловеческими условиями быта. В таких условиях, дабы избежать восстания заключенных, сохранить порядок в лагере – режим усиливали, расширяли наказания и запреты.

Основными факторами, определявшими степень строгости лагерного режима, являлись, во-первых, характер статьи, по которой были осуждены лагерники, во-вторых, характер выполняемых работ. Второе, как правило, зависело от первого. Так называемые "контрреволюционные элементы" отправлялись на наиболее тяжелые работы, где возможностей для выживания не оставалось. На протяжении всей истории существования лагерной системы ситуация не менялась. Изнурительный, нечеловечески тяжелый труд в лагерях был как в 30-е, так и в 40-е годы.

Любопытны методы повышения производительности труда в условиях принуждения, насилия и, конечно, превращения лагерника в "рабочий скот". Известно, что в лагерях повсеместно распространялись все мероприятия, вводимые в гражданском обществе, направленные на рост эффективности, производительности труда, как-то: соревнования, ударничество, рационализаторство. Заставить человека, лишеного свободы, несправедливо посаженного на долгие годы в железную клетку, творчески относиться к своим обязанностям, воодушевленно "вкалывать" ради светлого "коммунистического" идеала, который навряд ли могли увидеть истощенные непосильным трудом и тягчайшим бытом люди, по меньшей мере, издевательство. Между тем, архивные документы свидетельствуют о широком распространении данного явления. Он внедрялся в 30-е так и в 40-е годы без изменений.

В сороковые годы условия режима, его характер менялись в силу изменений (особенно в годы войны) политической обстановки как в стране, так и на международной арене. Например, в моменты отступления советских войск вглубь страны, режимные требования в лагерях резко смягчались, служба охраны и надзиратели становились более человечными и внимательными к заключенным, иногда давалась возможность день-два отдохнуть или работать на объектах менее 10 часов, разрешалась активная переписка с родными и т.д. Такие периоды "отдыха" для заключенных продолжались недолго. Наступления Советской Армии на фронтах резко меняли условия содержания заключенных. Ужесточался режим, повышались требования к осужденным, ограничивались льготы и поощрения, затягивалась "удавка" на шее лагерников. Подобная нестабильность режимных условий в лагерях объяснялась довольно просто.

"Контрреволюционный элемент", находившийся в те годы в лагерях в большом количестве, потенциально мог быть готов, как считали наши государственные деятели, своим недовольством, неподчинением общим нормам и требованиям поддержать военного противника и из тыла нанести удар по советской власти. Если считать, что лагерей достаточно хватало по всей России и численность содержащихся в них "каэров" была высока, то удар этот мог быть мощным.

Важнейшими компонентами в организации лагерного режима являлись поощрения и наказания заключенных. Помимо чисто административного значения они применялись и с целью "воспитательного воздействия" на заключенных. Чаще всего основанием для поощрения

заклученных служило соблюдение режима, добросовестное отношение к труду и высокие показатели в работе. Наиболее распространенной формой поощрения являлось их зачисление на улучшенное питание.

Формально в юридической литературе, в приказах, инструкциях, исходивших из Главного Управления лагерей и Наркомата внутренних дел, объявлялось, что режим в лагерях организуется в соответствии с правовыми принципами: социалистической законности, гуманизма, целесообразности, сочетания карательного и воспитательного воздействия. На самом деле архивные материалы показывают, что данные принципы оставались не только лишь декларированными на бумаге, но в реальной жизни практически не востребованными, игнорируемыми охранными и управленческими структурами лагерей, утверждаемыми приказами сверху, требовавшими ужесточения мер наказания к любому инакомыслию. Этой же цели служила местная лагерная печать. Она способствовала "обработке мозгов" заключенных, и по ее содержанию трудно было представить читателя, коем у она предназначалась.

Говоря о режиме, следует затронуть вопрос о питании. В лагерях питанием стимулировали труд и поведение заключенных, им же и наказывали. Продовольственная политика состояла в том, чтобы держать людей в полуголодном состоянии. Возбуждая надежды на небольшое улучшение питания, тем самым заключенным давали "стимул" для увеличения выработки. За дополнительные сто граммов хлеба и кусок рыбы заключенные старались до изнеможения. Вопрос о продовольственных ресурсах, необходимых для обеспечения всего состава заключенных и охраняемых их лиц, представляет большой интерес, т.к. в лагерной системе он превращался в вопрос жизни и смерти.

По данным годового отчета ГУЛАГа за 1940 год план товарооборота (в год) по всей торговой сети ГУЛАГа вместе с общественным питанием составлял 800 млн. рублей. Много это или мало? На каждый лагерь со всеми его структурными ответвлениями (лагпункты, командировки, ОЛП и т.д.) в год приходилось 15 млн. рублей (54 лагеря), в месяц сумма составляла 1 млн. 250 тыс. рублей. Для сравнения. Все строительство Горношорской железной дороги получало в год от государства 15-17 млн.руб. Могла ли торговая сеть, например, Горшорлага иметь товарооборот в торговле 15 млн.руб.? Очень сомнительно. Более того, практически не реально. Ни один лагерь Кузбасса не имел в обороте такие средства, даже если он продавал свою продукцию, а не сдавал государству безвозмездно. Может быть, в других регионах находились состоятельные лагеря, но только не в Сибири.

Плохое питание, отсутствие одежды, холод также были бичем для "перевоспитываемых". Голгофой называли заключенные штрафные изоляторы и лагерные тюрьмы, куда отправляли всех, кто отказывался от работы или нарушал лагерный режим.

Антисанитарное состояние зон, истощенный организм способствовали возникновению среди заключенных различных эпидемий. Возникали они и в Сиблаге, Горшорлаге, в частности сыпной тиф, дизентерия. Однако их быстро локализовывали. Повсеместно заключенные заболели цингой, пеллагрой, туберкулезом, "алиментарной" дистрофией. Лечение больных, ввиду отсутствия лекарств, фактически не проводилось. По воспоминаниям бывших заключенных, больных туберкулезом лечили только терпингидратом. Выживать приходилось самим. В результате многие умирали. Количество умерших в Сиблаге назвать невозможно, т.к. эти сведения проходят нерегулярно, разрозненно. Однако по доступным сегодня документам можно заключить, что смертность в Сиблаге все-таки не была высокой. Если, например, на Колыме

смертность достигала 30% и выше от состава контингента, то в Сиблаге достигала лишь – 1,5%-1,8%; в Горшорлаге – до 15%.

Среди всех лагерей Кузбасса лишь Сиблаг способен был частично восстановить физические силы заключенных. В годы войны в числе наиболее значимых задач в деятельности Сиблага стояла именно задача оздоровления заключенных. Для восстановления их физического состояния в лагере с 1942 года начали организовывать оздоровительно-профилактические пункты (ОПП). Непосредственным основанием для этого послужил приказ НКВД СССР № 067 от 2 марта 1942 года, подписанный Берией, "Об организации ОПП".

Во вновь созданных в послевоенный период кузбасских лагерях (Кемероволаг, Кузбасслаг, Севкузбасслаг, Южкузбасслаг, Камышлаг) режим отличался от 30-х - первой половины 40-х годов целевым назначением (отсутствовала установка на физическое уничтожение заключенных). Опыт работы развития лагерной системы показал руководству страны и Главному Управлению лагерей "достоинства" бесплатной рабочей силы в деле решения государственных задач. На спецконтингент лагерей стали смотреть не только как на преступников, врагов народа, но и как на значительную производительную силу государства. Война оказала влияние на переоценку многих явлений и процессов, происходивших в России, в том числе по вопросу о роли и значении лагерной экономики. Тем более что последняя действительно стала неотъемлемой частью всего народно-хозяйственного комплекса страны и не считаться с этим было нельзя. На примере Кузбасса этот тезис выглядит достаточно убедительным. За годы войны, например, Сиблаг производил сельхозпродукции значительно больше, чем колхозы и совхозы. Так, лагерь поставлял более 35% сельхозпродукции ко всей производимой в области, зерна – свыше 60%, молочных продуктов – до 71% (от одной коровы в лагере надаивали около 30 кг в день, в колхозах и совхозах – в 2 раза меньше).

Режим, условия содержания и быт в лагерях Кузбасса, мало чем отличавшихся от таковых в других лагерях страны, за 30-50-е годы претерпел изменения как в сущностном, так и формальном плане. Если в период становления лагерной системы, в условиях открытой борьбы государства против собственного народа (в 30-е гг.), он выполнял главную функцию устрашения, подавления и даже уничтожения личности, являя собой почти средневековый образ мракобесия, то в годы войны и особенно в послевоенный период, цели и задачи лагерного режима стали меняться, приобретая окраску некоторой человечности. Однако считать, что он служил делу перевоспитания "оступившихся", значит ничего не понять в системе репрессий, насилия и унижения, осуществлявшихся в стране в условиях тоталитарного общества. В послевоенный период лагерный режим окончательно стал служить производственным целям, а его воспитательная функция безвозвратно потерялась в лабиринтах формальной работы культурно-воспитательной части (КВЧ). При нерешаемых бытовых проблемах, воспитательная функция режима нормально работать не могла. Призванный "перевоспитывать" человека-преступника в человека-личность, он в конечном итоге достигал иных результатов. "Благодаря" лагерному режиму заключенные окончательно теряли свою индивидуальность и лишь немногие "вопреки" этому режиму поднялись выше, чем они являлись до ареста. Сегодня известны примеры духовного преобразования Д.Андреева, О.Волкова, Д.Панина и других, оставивших после себя высокодуховные произведения. Режим сталинских лагерей, сохранивший свои бесчеловечные методы, глубоко парализовывал души своих жертв, и продолжает делать свое "черное дело" сегодня.

В заключении сделаны обобщения и выводы по разработанной проблеме, определены перспективы ее дальнейшего исследования.

Подведение итогов исследования такого сложного, многоаспектного явления как лагерная система, требует подтверждения концептуального видения проблемы и определения ее последствий, отразившихся, в первую очередь, на личности социалистического общества, изуродовав ее нравственные черты и человеческие качества, во вторую, на социально-экономических условиях нашего общества.

Идеология большевизма, пропитанная принципами насилия, породила тоталитарный режим, следствием которого стала лагерная система, служившая для поддержания этого режима, "формирования" нового человека, решения народно-хозяйственных задач с помощью бесплатной лагерной рабсилы.

Карательная политика, возведенная в ранг государственной, как в зеркале, отразила теоретическое наследие основателей первого в мире социалистического государства (Ленина, Бухарина, Сталина), делавших принципиальную ставку на принуждение и насилие как метод построения социализма. Традиционный взгляд на них как пострадавших от "демонического" Сталина рассыпается в прах при близком знакомстве с их трудами. Демократический путь, ими отвергнутый, "приказал долго жить", благодаря теоретическим стараниям первопроходцев Ленина, Бухарина, чьим наследием воспользовался в последствии Сталин. В стране расцвел тоталитаризм – сталинизм (российское проявление тоталитаризма). Появление лагерной системы оказалось детерминировано, во-первых, уровнем развития России, во-вторых, идеологической базой большевиков, пришедших к власти, в-третьих, особенностями российского менталитета, где ведущим принципом являлись "авось" и "может быть, обойдется".

Корнями в лагерное прошлое уходят многие современные экономические, социальные, духовные конфликты, взорвавшие общество в послеперестроечный период. В экономической сфере это выразилось в низком качестве многих технологических проектов. Неквалифицированный труд лагерных рабочих привел к созданию некачественных сооружений, вызвавших быстрое их старение и аварийные ситуации на многих предприятиях. В Кузбассе от этого страдали шахты, заводы, где техническое и технологическое обеспечение созданных руками заключенных строений, техники, не выдерживало нагрузок, приводило к трагедиям. В аграрном секторе это проявилось в уникальном явлении передаче местным органам власти территорий и построек закрывавшихся лагерных зон, на базе которых создавались совхозы. В Мариинском районе, например, практически все расформированные отделения Сиблага превратились в совхозы, как например, лагпункт № 1 в с.Первомайском, ставший совхозом "Победитель". Вновь образованным совхозам, лагерем передавались земли, скот, постройки, люди.

Из исследователей истории советского периода практически никто не объяснил, в силу каких причин в начале 60-х годов в стране резко увеличилось число совхозов. Ссылаются на постановления партии о развертывании совхозного движения, однако всем понятно, из ничего создать совхозы нельзя. Будучи государственными учреждениями, они находились на его полной дотации. Выход был найден (не пропадать же добру), их материально-техническая база полностью представлена лагерным хозяйством. Районы, где ранее располагались сельскохозяйственные лагеря, обогатились их производственно-людским потенциалом (с.Котовское – Ижморский район, Орлово-Розово, Новоивановка и др.). А так как лагерное хозяйство само не обновлялось, совхозы в конечном итоге получили изношенное наследство. Рабочие совхозов (бывшие з/к), не умея самоорганизовываться, приученные к "палочной"

дисциплине, быстро пустили "по ветру" переданное хозяйство. Сегодня практически каждый второй совхоз в Ижморском, Чебулинском и других районах, территории которых принадлежали Сиблагу, либо уже развалился, либо развалится в ближайшее время.

В социальном плане воздействие лагерной системы в Кузбассе сказалось на высоком удельном весе бывших репрессированных, а также уголовников среди населения. До сегодняшнего дня в области ежегодно оседает около 10 тыс. отбывших свои сроки. Эти люди остаются здесь на постоянное жительство. В одном только г. Мариинске, где, ныне действующих насчитывается четыре колонии, СИЗО и областная туберкулезная больница для заключенных, на каждых четырех жителей приходится один з/к.

Социальная инфраструктура городов и поселков Кемеровской области – оставляет желать не только лучшего, но и просто желать. Во многих городах (Шерегеш, Шалым, Таштагол, Мариинск, Юрга, Прокопьевск, Кемерово, Новокузнецк и др.) как в 30-40-е годы заключенные построили дома культуры, детские сады, магазины, жилой массив, так до сего дня этим местные жители и довольствуются. Ветхость зданий, полуразрушенные заведения культуры, тесные детские садики и т.д. – это тоже лагерное наследие.

Лагерная система повлияла не только на количественные и качественные показатели экономического развития нашего края. Она самым безжалостным образом оказала воздействие, "неоценимую помощь" в формировании "нового типа" человека. По словам В.Д.Губина, была создана уникальная порода людей, "новый советский человек", который не умеет, не хочет и не любит работать, ни к чему не стремится, ничего не добивается и свою посредственность рассматривает как нечто положительное. Идеи Х.Ортега-и-Гассета относительно "массового человека" вполне осуществились в нашей стране, по крайней мере, это можно сказать о значительной части населения.

Развивавшаяся в лагерях рабская психология (психология выживания) выплеснулась за пределы "лагерной зоны" и, попав в благоприятную среду на "гражданке", проникла во все жизненно важные сферы. Их можно перечислить: эксплуатация человека нижестоящего по социальной лестнице вышестоящим, готовность и "благодарность" "бывших" за эту эксплуатацию, так как в порядке вознаграждения последние получали какую-либо льготу. Повсеместное жульничество (приписки, халтура (туфта), взаимный обман) и как норма существования – всепроникающий цинизм и культ силы. Агрессивность одних, страх других, апелляция к насилию третьих в поисках защиты и покровительства – всеобщая убежденность в том, что только силовое решение проблем по настоящему эффективно.

Наследием лагерной системы можно назвать и подозрительность к любой инициативе (начальство видело в нем симптомы независимости), нетерпимость к проявлениям человеческого достоинства (в лагерях это означало вызов, бунт, а сами зэки могли усмотреть здесь провокацию).

Единство внутри- и внелагерного миров не сводилось лишь к единой психологии. Они строились по единой программе одними и теми же людьми. Эти миры объединяет единый "человеческий материал": и "зэки" и лагерные работники с "воли" взяты и на "волю" возвращались, а их миграционные потоки и экономические связи окончательно скрепили административно-хозяйственную систему с лагерной. Ничего удивительного нет в обменном процессе "зона-воля" и "воля-зона". Взаимопроникновение лагерного образа жизни, лагерного мышления и т.д. в "цивильное" общество и обратно стало для советского государства, каждого его региона,

неразрывной составляющей, передаваясь из поколения в поколение. И сегодня нам уже трудно разделить, что пришло с "зоны", а что ушло "туда".

Особенностью кузнецкого края периода 30-50-х годов стало превращение его территории в единую "зону". Единовременно здесь находилось (в послевоенное время) 8 (восемь) лагерей с общим числом лагерных пунктов, командировок, колонн, пересылок и т.д. – более 450 с составом заключенных свыше 130 тыс. чел в год.

Тяжелым наследием лагерной системы в Кузбассе можно назвать и экологическую проблему, связанную с массовой вырубкой леса, открытым способом добычи угля, химическим производством (выброс в атмосферу газов почти всей таблицы Менделеева) и т.д. Особенно опасной для области оказалась беспощадная вырубка леса на огромных пространствах, что повлекло за собой высыхание рек и речушек, гибели местной флоры и фауны. А отравление людей химическими выбросами химзаводов, центральных обогатительных фабрик и т.д. привело к новой, доселе неизвестной Кузбассу тенденции – смертности новорожденных и неродившихся детей. В регионе возросла по сравнению с российским показателем смертность по старости, заболеваемость всех категорий населения.

Изучение темы показало, что лагерная система, сформировавшаяся в 30-е и получившая расцвет в 40-е - первой половине 50-х годов – явление в истории страны, и особенно, Кузбасса весьма отрицательное, ставшее губительным как отдельно для личности, попадавшей туда, так и для общества в целом, зараженным психологической заразой. Символы лагерной системы до сих пор живут в Кузбассе – действующие колонии (сохраняется их большое число), высокая преступность среди населения, высокая смертность детей и стариков, травматизм и заболеваемость. Наиболее подвергнутой наследию лагерной системы оказалась молодежь, на которую, с одной стороны, давит своим грузом общегосударственный кризис во всех его проявлениях, а, с другой, сложившиеся традиции уголовно-преступных групп, втягивающих в свои ряды несознательную молодежь.

Основные положения диссертации изложены в следующих работах

1. О сталинских лагерях в Сибири (30-40-е гг., Кемерово) – Материалы II Международной конференции "Роль приполярных университетов в развитии северных территорий". Тюмень - Лэйкхед (Канада), 1992, с.94-96.
2. К вопросу о формировании Сиблага. Современные проблемы исторического краеведения. Кемерово, 1993, с.114-116.
3. Неизвестный Кузбасс. Вып.1. Кемерово. "Современная отечественная книга", 1993, 9,5 п.л.
4. Сталинские лагеря на территории Кузбасса. Кемерово. Кузбассвуиздат. 1994, 20,2 п.л.
5. Принудительный труд, т.1. Кемерово. Кузбассвуиздат. 1994, 18,0 п.л.
6. Принудительный труд, т.2. Кемерово. Кузбассвуиздат. 1994. 13,1 п.л.
7. Неизвестный Кузбасс. Вып.1. Кемерово "Современная отечественная книга", 1995, 13,5 п.л.
8. Книга Памяти жертв политических репрессий в Кемеровской области. т.1. Кемерово. Полиграфкомбинат. 1995, 18,4 п.л.
9. Книга Памяти жертв политических репрессий в Кемеровской области. т.2. Кемерово. Полиграфкомбинат. 1996, 32,4 п.л.
10. Каталог памятников истории и культуры Кемеровской области. Кемерово. Кузбассвуиздат. 1996, с.61-62, 181-182. 156.
11. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. ч.1. Кемерово. Кузбассвуиздат. 1997, 12,5 п.л.

12. История репрессий и сталинских лагерей в Кузбассе. ч.2. Кемерово. Кузбассвузиздат. 1997, 12,5 п.л.
13. Лагерная экономика в системе "Урало-Кузбасс" – Материалы региональной научно-практической конференции "Каменный пояс на пороге III тысячелетия". – Екатеринбург, 1997, с.91-93.
14. Социально-экономические, культурные, духовные последствия лагерной системы (30-50-е гг.) – Материалы региональной научно-практической конференции "Каменный пояс на пороге III тысячелетия". – Екатеринбург, 1997, с.194-196.
15. К вопросу о статусе "лишенцев" и "бытовиков", как жертв политических репрессии – Материалы региональной научно-практической конференции "Каменный пояс на пороге III тысячелетия". – Екатеринбург. 1997, с.124-126.
16. "Нас всех уже приговорили". Док.фильм / Автор Л.Гвоздкова. – КемГУ-ГТРК "Кузбасс", 1992. – 40 мин.
17. "И народ мой любит это...". Док.фильм / Автор Л.Гвоздкова. – КемГУ-ГТРК "Кузбасс", 1993. – 38 мин.
18. "Воспоминания о прошлом". Док.фильм / Автор Л.Гвоздкова. – КемГУ-ГТРК "Кузбасс", 1994. – 38 мин.
19. "Свидетельствую". Док.фильм / Автор Л.Гвоздкова. – КемГУ-ГТРК "Кузбасс", 1995. – 36 мин.

Всего по теме диссертации опубликовано 26 работ объемом 151 п.л.
